

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ
(изъ литературного наследія)

ГЕОРГІЙ ПАРЛАНДЪ

1.

Когда на улицѣ идетъ снѣгъ и бѣлыя хлопья вертятся и кружатся въ воздухѣ, словно маленькіе черти, и прохожіе, поднявъ воротники, распустивъ зонтики и засучивъ брюки, шагаютъ по мокрымъ тротуарамъ, а экипажи, встрѣчаясь, обдаютъ другъ друга брызгами; когда сгущающіяся сумерки наполняютъ комнату таинственнымъ и уютнымъ полумракомъ и блѣдный потухающій свѣтъ дня борется съ красноватымъ отблескомъ камина; когда по темной стѣнѣ ползутъ и играютъ неясные отблески пламени и, то замирая, то снова вспыхивая, несутся фантастическія очертанія въ непонятномъ, но вѣчно живомъ, какъ играющій ручей, танцѣ; когда тишина въ комнатѣ прерывается лишь трескомъ раскаленныхъ угольевъ и глухимъ боемъ часовъ за стѣною, — тогда хорошо сидѣть въ мягкомъ креслѣ, слушать тишину, слѣдить за вихремъ хлопьевъ за окномъ и игрой огня въ каминѣ и на темныхъ обояхъ, сочинять нѣжные вальсы и задумчивые ноктюрны и думать о маленькой Асѣ, у которой такія хорошенькія маленькія ручки, шелковистые волосы и смуглая кожа на миломъ лицѣ. Жаль только, что, если сѣсть къ роялю и попробовать сыграть только что сочиненный ноктюрнъ, то что-нибудь другое старое и уже давно знакомое будетъ удивительно походить на этотъ ноктюрнъ, что аккорды будутъ все одни и тѣ же и что въ мелодіи не будетъ ни граціи, ни нѣжности. Отчего никогда не удастся сочинить что-нибудь дѣйствительно хорошее такъ, чтобы Ася, послѣ того, какъ ей сыграть это, сказала бы:

— Стива, вы молодець, — это ужасно хорошая вещь и вы великолѣпно играете.

Милая дѣвочка, сегодня Стива будетъ опять танцовать съ тобою, будетъ смотрѣть въ твои милые глаза. Да, они будутъ милыми, какъ тогда; они будутъ ужасно милыми, можетъ быть, они будутъ, какъ тогда, влюбленными, но только навѣрно не въ Стиву. Ахъ, Стива, Стива, какъ тебѣ самому не совѣстно! Развѣ не съ тобою Ася танцевала всѣхъ больше, развѣ не тебѣ она говорила: — Вы интересны! — А ты посмѣялся надъ Асей, ты думалъ только о себѣ, а о томъ, что ей было больно ты не подумалъ, не подумалъ, что это было больше того — некрасиво и даже подло. Да, да, подло!

А какіе хорошіе глаза были у ней, когда она разсердилась на него! Это было давно, два года тому назадъ, когда они видѣлись въ послѣдній разъ. Потомъ она уѣзжала за границу и когда возвратилась, его не было въ городѣ. Но онъ хорошо помнитъ всѣ подробности. Все произошло изъ-за пустяковъ, какъ и всегда все происходитъ изъ-за пустяковъ. Стива сказалъ одной Асиной подругѣ, что ему очень пріятно, если онъ нравится Асѣ — это льститъ его самолюбію. Съ его стороны такія слова были непростительной глупостью.

Женщины вообще страшно болтливы, а что же можно ждать отъ дѣвочки шестнадцати лѣтъ? Услышать что-нибудь и не рассказать по секрету дальше, передать до мѣста назначенія для нея столь же невысказано, какъ летать по воздуху. Да, это было непростительной ошибкой. . . Будь онъ самъ маленькимъ, а то, слава Богу, онъ, кажется, не вчера родился, и, кажется, достаточно возился съ противными дѣвченками, танцевалъ и катался съ ними на конькахъ и даже писалъ записочки. Но, въ

сущности, онъ не сказалъ ничего худого, — развѣ неправда, что онъ нравится Асѣ и что это льститъ его самолюбію? А черезъ часъ Ася не хотѣла не только танцовать съ нимъ, но даже разговаривать.

— Анастасія Андреевна сердится на него? За что она можетъ сердиться?

— Онъ самъ отлично знаетъ за что.

— Нѣтъ, при всемъ своемъ желаніи онъ не можетъ понять, чѣмъ онъ возбудилъ неудовольствіе Анастасіи Андреевны; онъ не помнитъ за собой никакой вины или ошибки, — конечно, онъ ихъ дѣлалъ, но кто же ихъ не дѣлалъ?

— О, какая невинность, — говоритъ Ася съ раздраженнымъ смѣхомъ, — зачѣмъ представляться? Если человѣкъ сдѣлалъ что-нибудь дурное — онъ всегда знаетъ, что онъ сдѣлалъ.

Стива качаетъ головой. — Нѣтъ, онъ не знаетъ.

— Да? онъ не знаетъ? Онъ дѣйствительно не знаетъ? — Асино лицо дышитъ великолѣпнымъ негодованіемъ, а уши и щеки дѣлаются почти такими же красными, какъ губы, а глаза, милые глаза!

— У него, очевидно, очень плохая память? Что онъ только что говорилъ Марусѣ? Онъ заботится только о впечатлѣніи, которое онъ производитъ на другихъ, онъ говоритъ съ ней, танцуетъ съ ней только потому, что это льститъ его самолюбію, потому что это пріятно дѣйствуетъ на его тщеславіе, онъ ухаживаетъ только для того, чтобы имѣть успѣхъ, а она сама ему совершенно не интересна и безразлична. . . Но вѣдь у всякаго человѣка есть свое самолюбіе, не только у него одного, и если онъ удовлетворяетъ свое, то вѣдь онъ оскорбляетъ чужое. Она извиняется, но послѣ того, что онъ сказалъ, имѣть съ нимъ дѣло ей по меньшей мѣрѣ непріятно.

Ася еле сдерживаетъ свое негодованіе, въ ея голосѣ слышны и слезы и обида, а Стива. . . онъ стоитъ, какъ дуракъ, и не знаетъ, что сказать. Онъ чувствуетъ, что нужно сказать какъ можно скорѣе хоть что нибудь, лишь бы нарушить невыносимое молчаніе. Ася высказала всю свою обиду, она, можетъ быть, ждетъ отъ него оправданій и готова простить его, лишь бы только онъ придумалъ что-нибудь въ свою защиту. Но онъ такъ ошеломленъ, что можетъ сказать только: — Въ такомъ случаѣ — извините. . . — и скорѣе стушевывается съ глазъ Аси. Но какъ ему стыдно! Виноватъ ли онъ или не виноватъ, права ли Ася или нѣтъ — онъ не знаетъ еще, онъ чувствуетъ лишь одинъ стыдъ, какъ будто его только что высѣкли и его лицо красно, какъ кумачъ.

Это было въ послѣдній разъ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись. Вскорѣ она уѣхала и заходила прощаться съ его сестрой Ирмой, когда его не было дома. Онъ видѣлъ ее разъ на улицѣ и ему было неловко смотрѣть на нее, когда онъ снялъ свою шляпу. Какимъ ребенкомъ онъ былъ тогда. . . Не все ли ему равно, что думаютъ о немъ, будто весь свѣтъ сошелся клиномъ на одной Асѣ!

А въ другой разъ они сидятъ съ Асей на диванѣ въ кабинетѣ. Ася устала и не хочетъ танцовать. Маленькій букетикъ, приколотый у ней на груди, часто опускается и поднимается, ея щеки пылаютъ, она облокотилась на подушки, а маленькая прядка волосъ чуть чуть растрепавшейся прически сползла внизъ и щекочетъ ей кожу. Она поправляетъ ее нѣсколько разъ, но упрямая прядка все снова и снова падаетъ внизъ. . .

Стивъ пріятно сидѣть съ ней рядомъ, обмахивать ее вѣеромъ и думать, что она, такая милая и хорошенькая, немножко влюблена въ него. Но отчего въ немъ всегда сидитъ маленькій бѣсъ, который заставляетъ его дѣлать всякія нехорошія вещи. Стивъ ужасно хочется помучить Асю.

— Анастасія Андреевна, — начинаетъ онъ, — кто изъ вашихъ подругъ пишетъ длинное *m* — и безъ твердаго знака?

— Длинное *m* безъ твердаго знака? — спрашиваетъ Ася, поднимая брови.

— Да, длинное *m*.

— Нѣтъ, она не знаетъ. Зачѣмъ ему хочется знать это?

— О, здѣсь длинная исторія. Въ прошлый разъ онъ пріѣхалъ на базаръ очень поздно и сейчасъ же получилъ по летучей почтѣ открытку. Почеркъ на ней женскій, твердыхъ знаковъ не было, *m* было длинное. Вѣдь неправда ли, это не вы писали?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ удивленно Ася, — я ничего не писала.

— Я такъ и думалъ, я хорошо знаю вашъ почеркъ и сейчасъ бы узналъ его. Но кромѣ васъ и вашихъ подругъ у меня не было знакомыхъ, — вотъ я и думаю, можетъ быть вы укажете, кто именно изъ нихъ писалъ мнѣ. Смыслъ открытки довольно темень. Какой-то намекъ на что-то. Не можете ли вы сказать, кто авторъ этого письма? Это навѣрно писала какая-нибудь ваша подруга.

Стива достаетъ изъ кармана бумажникъ и подаетъ карточку, на ней изображена дама, стоящая на балконѣ, внизу надпись неразборчивымъ почеркомъ: «Джульета ждетъ своего Ромео».

Ася беретъ карточку и ея только что остывшія щеки снова покрываются румянцемъ. Она наклоняется и пристально разсматриваетъ карточку. Стива смотритъ на нее сбоку и слѣдитъ, какъ постепенно краснѣютъ ея щеки и уши и ждетъ, что скажетъ Ася. Она молчитъ. Очевидно, она очень хорошо знаетъ, кто это написалъ и къ кому относится намекъ.

— Я не понимаю смысла этого посланья, — говоритъ Стива: — если Ромео — я, то кто же — Джульета? А если Ромео — кто-нибудь другой, то причемъ же тутъ я? Зачѣмъ мнѣ посылать такую карточку? Вы не узнаете почерка?

— Нѣтъ, я не знаю, кто это писалъ, — говоритъ она, наконецъ.

— Жаль, вы поглядите хорошенько. Я навѣрно знаю, что это кто-нибудь изъ вашихъ подругъ. Главное бы, узнать, къ кому это относится и кто такая Джульета. Вы не знаете? Вотъ развѣ спросить Андика, онъ человѣкъ наблюдательный, а со стороны часто бываетъ все понятнѣе и яснѣе.

Ася наклоняется ниже и смотритъ поверхъ карточки, лежащей у нея на колѣняхъ, на кончикъ своихъ бѣлыхъ башмаковъ, высывающихся изъ-подъ юбки, и молчитъ. Ея рѣсницы часто мигаютъ, а на глазахъ, не оттого ли, что она такъ пристально смотритъ на свой башмакъ, показывается слезинка, которая медленно-медленно скатывается по щекѣ, оставляя влажный слѣдъ, и падаетъ на платье. Стива ждетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ Ася, — я не знаю. Стива вынимаетъ изъ кармана бумажникъ.

— Значитъ, надо показать Андикѣ или Бобу, — говоритъ онъ.

Онъ медлитъ. — Ну что же, — ты попросишь не показывать другимъ? Вѣдь на-

мекъ — такъ ясенъ: и Бобъ и Андикъ сейчасъ же поймутъ, кто Джульета. Не лучше ли выдать себя одному, чѣмъ многимъ и попросить разорвать эту карточку.

— И такъ вы не знаете? — спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, — говоритъ Ася спокойно и поднимаетъ голову.

Стива перебираетъ долго всѣ отдѣленія бумажника и что-то вытаскиваетъ и что-то всовываетъ.

— Попроси, еще не поздно — думаетъ онъ.

Нѣтъ, Ася молчитъ и даже пробуетъ улыбнуться. Онъ кладетъ карточку въ бумажникъ и захлопываетъ его передъ самымъ ея носомъ.

— Ну, я пойду къ Бобу, — говоритъ онъ. Онъ доволенъ, — Ася сейчасъ отыщетъ свою подругу, вотъ ту, что танцуетъ съ Андикомъ, въ розовомъ платьѣ, и здорово отчитаетъ ее за то, что она смѣла назвать Стиву — Ромео, а ее — Джульетой и посылать такія карточки.

А теперь все это не такъ. Ася выросла и научилась владѣть собой и позабыла свои дѣвическія увлеченія. И хотя ей только восемнадцать лѣтъ, она навѣрное старше его и теперь онъ окажется передъ ней маленькимъ мальчикомъ. Дай Богъ ей всего лучшаго! Дай Богъ, чтобы ея жизнь была такой же живой, какъ безпокойно пламя камина и такой же стремительной и красивой, какъ игра бѣлыхъ снѣжинокъ, бѣснующихся за окномъ.

2.

Три пріятели, Бобъ, Андикъ и Стива, нанимаютъ у знакомаго домохозяина по сходной цѣнѣ маленькую квартиру въ двѣ комнаты, въ мансардѣ шестого этажа. Тутъ они проводятъ большую часть своей жизни, спасаясь отъ родительскаго присмотра, домашняго шума и другихъ большихъ и маленькихъ непріятностей семейной жизни.

Эта квартира носитъ названіе берлоги. Бобъ, такъ какъ живетъ въ городѣ одинъ, безъ семьи и спитъ на диванѣ въ первой комнатѣ, является главнымъ хозяиномъ и его всегда можно застать тутъ. Его визитная карточка вывѣшена на двери безъ обозначенія часовъ приѣма, между тѣмъ какъ карточки Стивы и Андика имѣютъ внизу подпись: видѣть можно съ трехъ до пяти. — Впрочемъ, эти часы соблюдаются не строго. Ихъ пріятели знаютъ, что ихъ можно застать почти всегда, горничнымъ же, посланнымъ, чтобы сообщить, что пріѣхали гости, или что ихъ требуютъ домой и что ихъ присутствіе необходимо, никогда не удается застать ихъ. Въ лучшемъ случаѣ съ ними въ переговоры вступаетъ Бобъ и говоритъ, что онъ никого не видѣлъ съ самаго утра, иногда же двери просто не открываются, какъ будто и Боба нѣтъ дома. Дѣло въ томъ, что въ двери проверчена маленькая дырочка, черезъ которую видно, кто стоитъ на площадкѣ, и дверь открывается только безопаснымъ посѣтителемъ.

Въ большихъ комнатахъ, съ большими же оконными выступами и покатымъ потолкомъ, царитъ безпорядокъ. Черезъ окна видны красныя крыши домовъ, купола церквей, длинныя улицы и зеленые сады, а въ солнечную погоду между деревьями сверкаетъ чешуя рѣки, съ которой несутся свистки пароходовъ. Окна выходятъ въ

сосѣдній садикъ съ посыпанными желтымъ пескомъ дорожками и отцвѣтающими красными, синими и фіолетовыми астрами на клумбахъ, засыпанныхъ падающими листьями, а сбоку за заборомъ идетъ широкая улица, съ ея шумной, поспѣшной жизнью, съ грохотомъ телѣгъ, гудками автомобилей и звонками трамваевъ. Быстро несущіеся экипажи, спѣшащіе прохожіе, торговцы яблокъ и продавцы газетъ кажутся такими смѣшными въ этой странной перспективѣ, и глухой рокотъ живого города, расположившагося тамъ, внизу, врывается въ окно и жизнь этой мансарды кажется такой далекой съ шестого этажа въ сравненіи съ моремъ крышъ, которое разстилается внизу.

Кавалеры, какъ ихъ троихъ зовутъ въ ихъ кругу, любятъ сидѣть на подоконникѣ и смотрѣть на эту шумную жизнь, въ которой они, какъ будто, не участвуютъ.

Направо, черезъ садъ, стоитъ трехъэтажный домъ и тамъ, во второмъ окнѣ слѣва, появляется иногда прекрасная незнакомка съ свѣтлыми волосами. Каждый день кавалеры слѣдятъ, не раскрывается ли окно, или не показывается ли въ немъ фигура, и тогда они слѣдятъ за незнакомкой съ свѣтлыми волосами въ два бинокля и одну трубу. Если кто-нибудь говоритъ: «Ага!» и если всѣ не въ слишкомъ кисломъ настроеніи, то всѣ стараются поскорѣ завладѣть лучшимъ биноклемъ. Андикъ увѣряетъ, что незнакомка очень хорошенькая, но Андикъ немного близорукъ, и Стива и Бобъ не совсѣмъ согласны съ Андикомъ, полагая, что мало ли кто можетъ показаться ему хорошенькимъ.

Весной и осенью, когда погода позволяетъ открывать окна, кавалеры по вечерамъ играютъ незнакомкѣ серенады, Стива на роялѣ, Бобъ на скрипкѣ, а Андикъ поетъ романсы. Тогда второе окно слѣва открывается и незнакомка садится читать книгу, хотя и не у самого окна, но все-таки такъ, что ее можно видѣть. А когда имъ удастся встрѣтить ее на улицѣ; то они улыбаются и кланяются ей, какъ старой знакомой. Только Андикъ плохо узнаетъ ее и снимаетъ шляпу, когда она уже прошла и спрашиваетъ: «это она?» Одно время Стива рѣшилъ завести съ ней переписку и вывѣшивалъ бумагу, на которой было написано крупными буквами: «сегодня хорошая погода», или: «вы прекрасны, какъ сегодняшнее утро» (такая надпись выставлялась, конечно, въ тѣ дни, когда свѣтило солнце), но на такія вольности незнакомка не отвѣчала и корреспонденція на этомъ и прекратилась.

Въ маленькой прихожей очень тѣсно. Надъ дверью виситъ оленій рогъ для шляпъ, а въ углу стоитъ единственная пара галошъ, да и то разная — одна съ широкими, другая съ болѣе узкими носками. Кавалеры не любятъ галошъ и въ самую скверную погоду, когда тротуары блестятъ отъ дождя и когда хлещетъ съ крышъ, они храбро шагаютъ, засучивъ брюки, по лужамъ. Недаромъ же ходить безъ галошъ по лужамъ считается признакомъ хорошаго тона, а кавалеры всѣ фешенебельные молодые люди.

Въ первой комнатѣ стоятъ полки съ книгами, по всѣмъ столамъ валяются всевозможные учебники, — тутъ и интегральное исчисленіе, зоологія безпозвоночныхъ, исторія искусствъ и теорія музыки. Около оконъ стоятъ три стола, по одному на cadaго; столъ Боба заваленъ чертежами, досками для копированія и треугольниками.

На стѣнахъ развѣшены рапиры и маски, на которыхъ, однако, никто не дерется, и

портреты хозяевъ карандашемъ, работы Боба. Три портрета изображаютъ ихъ такими, какими они себя воображаютъ, а три такими, какими они есть на самомъ дѣлѣ. На первыхъ — все элегантные молодые люди съ поэтической наружностью, съ прямыми носами умѣренной величины и маленькими ушами, на вторыхъ — нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ и всякая некрасивая черточка оригинала изображена съ наглядной ясностью.

У окна, поближе къ свѣту, стоитъ столъ съ акваріумомъ и съ банками растеній. Андикъ — естественникъ. Когда онъ не былъ еще студентомъ, его акваріумъ былъ полонъ всякихъ диковинныхъ рыбъ, — но теперь, можетъ быть, оттого, что Андикъ думаетъ, что рыба недостойна студента, или же потому, что онѣ отнимаютъ такъ много времени, акваріумъ довольно пустъ. Теперь Андикъ занимается научными опытами, — онъ разводитъ какихъ-то бактерій и разсматриваетъ ихъ въ микроскопъ. Большого чернаго аксалотля, живущаго въ банкѣ, съ вѣтвистыми жабрами по бокамъ четырехъугольной морды, онъ пробуетъ превратить въ сухопутную ящерицу-амблистому съ легкими. Хотя эти попытки производятся, отъ времени до времени, вотъ уже второй годъ, попытка, однако, не увѣнчалась успѣхомъ. Съ каждымъ днемъ Андикъ понемногу убавляетъ воду изъ банки въ надеждѣ, что аксалотль покорится неизбѣжной участи и его великолѣпныя черныя жабры, въ виду печальной перспективы, скоро очутятся на воздухѣ, пропадутъ и вмѣсто нихъ вырастутъ легкія. Но, несмотря на то, что воды въ банкѣ совсѣмъ мало, жабры, попрежнему, пышно торчатъ по сторонамъ, но самъ аксалотль худѣетъ. Когда у него начинаютъ выступать ребра и онъ начинаетъ плохо двигаться, Андикъ становится его жалко и онъ прибавляетъ воды и аксалотль благоденствуетъ и жирѣетъ до тѣхъ поръ, пока Андикъ снова не вздумается лишать его жабръ. Андикъ, вообще, любитъ насиловать природу, — всякую весну онъ ѣздитъ за городъ и привозитъ лягушечью икру, склизкую, какъ студень, и каждую весну пробуетъ вывести изъ этой икры синихъ лягушекъ. Для этого въ банку съ икрой онъ прибавляетъ синей краски и постепенно усиливаетъ этотъ растворъ такъ, что вода пріобрѣтаетъ красивый темно-синій цвѣтъ; хотя краска, по его утверженію вполне безвредна, головастики дохнутъ одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока въ банкѣ не останется ни одного, несмотря на то, что Андикъ аккуратно вытаскиваетъ всѣхъ окончившихъ жизнь, чтобы они не заражали воду. Если же онъ употребляетъ не такой темно-синій растворъ безвредной краски, головастики растутъ и изъ нихъ выходятъ маленькія смѣшныя лягушки, которыя разбѣгаются по всей комнатѣ, но, увы, не синія, а обыкновенныя сѣрыя. Дастъ Богъ, Андикъ удастся вывести этой весной синія лягушки и онъ назоветъ новый видъ своимъ именемъ, а вы прочтете объ этомъ въ научномъ журналѣ. Можетъ быть, и у аксалотля пропадутъ къ веснѣ жабры.

Вообще растенія и рыбки Андика живутъ очень плохо, должно быть, отъ табачнаго дыма, которымъ пропитаны мебель, гардины и вообще всѣ комнаты. Кавалеры не довольствуются папиросами и курятъ изъ трубокъ такой пахучій табакъ, что даже ихъ костюмы и пальто, висящіе въ передней пріобрѣтаютъ сладкій запахъ табака, и если имъ приходится итти въ гости сразу изъ берлоги, то они провѣтриваютъ свои костюмы на улицѣ, гуляя назадъ и впередъ. Бобъ тыкаетъ носъ въ свой рукавъ: — я,

кажется, не пахну, — говоритъ онъ.

— Дай попробоватъ, — отвѣчаетъ Андикъ и касается въ свою очередь носомъ его платья, — нѣтъ, нѣтъ погуляй еще, да разстегни пальто; у тебя удивительно не тонкій нюхъ.

Эту вольность — трубки — они позволяютъ себѣ только на улицѣ и у себя на квартирѣ, вѣрнѣе, всѣ домашніе протестуютъ противъ пахучихъ трубокъ. Дома и въ гостяхъ они курятъ папирсы изъ толстыхъ короткихъ и блестящихъ, какъ леденецъ, янтарныхъ мундштуковъ.

Тутъ же стоитъ маленькая румкорфова катушка, модель телеграфа, электрическія батареи и машины. Когда въ берлогу приходятъ гости, то кто-нибудь изъ кавалеровъ идетъ въ переднюю и надѣваетъ непарныя галоши, потомъ беретъ одною рукою конденсаторъ машины, а другою вертитъ ручку. Послѣ этого онъ беретъ въ руки металлическую палочку, острую на одномъ концѣ, и сжимаетъ ее въ кулакъ для того, чтобы зарядъ проходилъ по большей поверхности и не былъ черезчуръ чувствителенъ, потомъ онъ подходитъ къ своему гостю и заговариваетъ съ нимъ и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора касается острымъ концомъ палочки руки или головы сосѣда, — тогда раздается легкій трескъ, гость вздрагиваетъ и начинаетъ ругаться.

Вторая комната — гостиная. На темнокрасныхъ обояхъ висятъ портреты Бетховена и Байрона и нѣсколько акварелей, въ углу на маленькомъ столикѣ, на которомъ разложены книги въ красивыхъ переплетахъ, стоятъ статуэтки Венеры Милосской и Аполлона. Передъ каминомъ лежитъ мягкій коверъ, на которомъ такъ хорошо лежать при свѣтѣ раскаленныхъ угольевъ. У стѣны стоитъ піанино, на которомъ Стива ежедневно играетъ свои упражненія. Висячая лампа съ низкимъ краснымъ абажуромъ освѣщаетъ большой столъ покрытый краснымъ сукномъ и небольшое пространство вокругъ него, оставляя низкій и глубокий диванъ, въ которомъ такъ уютно сидѣть вечеромъ съ трубкой, зеркало надъ каминомъ, отражающее дверь съ занавѣсомъ и часть рабочей комнаты и темный потолокъ въ полусумракѣ, который такъ пріятенъ для глазъ и такъ располагаетъ къ дружескимъ разговорамъ, къ покойной меланхоліи и элегическому настроенію.

3.

Три обитателя берлоги приблизительно одного возраста. Самый старшій — Бобъ, студентъ архитектурнаго училища. Бобъ сильнѣе всѣхъ, и если требуется оказать на одного изъ его двухъ друзей воздѣйствіе не моральнаго характера, то въ такихъ случаяхъ онъ бываетъ незамѣнимъ, Онъ беретъ своего друга одною рукою за шиворотъ, другою за брюки, какъ полицейскій ведетъ въ участокъ пьянаго, и крѣпко держитъ его такъ, что тотъ, несмотря на всѣ усилія, не можетъ вырваться.

— Поговори тутъ еще у меня, — приговариваетъ Бобъ, — собака курноса!

Въ нужныхъ случаяхъ Бобъ умѣетъ хорошо ругаться, но только въ нужныхъ случаяхъ.

— Будешь ли ты тутъ, собачій сынъ, безъ моего разрѣшенія производить дебоши? Ты тутъ — генераль?

Дальше идутъ менѣ цензурныя выраженія. При этомъ Стива, если въ рукахъ Боба находится Андикъ, или же Андикъ, если Бобъ держитъ Стиву, потираютъ отъ удовольствія руки и поощряютъ Боба: — такъ его, — хорошенько!

Самъ Бобъ не нуждается въ такомъ воздѣйствіи, — у него очень хорошій характеръ, онъ всегда добродушенъ, даже когда онъ усмиряетъ своихъ друзей, и онъ рѣдко сердится. Если происходятъ ссоры, то большей частью между Андикомъ и Стивой. Бобъ самый богатый изъ троихъ, его отецъ крупный коммерсантъ и онъ получаетъ изъ дому деньги перваго числа. Несмотря на то, что онъ практикъ и дѣльный человѣкъ, знаетъ, гдѣ покупать подешевле сахаръ, какая мазь всего лучше для лакированныхъ сапогъ, у него никогда не хватаетъ денегъ до конца мѣсяца, — въ такихъ случаяхъ онъ идетъ къ своей теткѣ.

Бобъ человѣкъ трезвый и не унывающій, онъ ходитъ въ свое училище, чертитъ проекты и учитъ математику; только въ свободное отъ занятій время, когда все необходимое выполнено и его совѣсть спокойна, онъ ходитъ на выставки и въ музеи, пишетъ акварели и рисуетъ наброски карандашомъ, не такъ, какъ Стива, который иногда по недѣлямъ не ходитъ въ университетъ и не играетъ своихъ гаммъ, а просто бренчитъ на роялѣ весь день. Бобъ — позитивистъ. Въ литературѣ онъ любитъ реалистовъ, въ музыкѣ классиковъ, Чайковскаго и, немного, Вагнера, въ живописи онъ наиболее либераленъ, тутъ онъ признаетъ даже Россети и Бернъ Джонса.

Андикъ тоже практикъ, но онъ уже составляетъ переходъ отъ позитивизма Боба къ романтизму Стивы. Онъ иногда устраиваетъ модели безпроводнаго телеграфа, работаетъ въ лабораторіи и ходитъ въ гости, но не менѣ трехъ часовъ въ сутки онъ проводитъ лежа въ креслѣ или на диванѣ и иногда время отъ времени твердитъ: «Боже мой, какая скука!» Это случается съ нимъ, когда онъ въ кисломъ настроеніи. Вообще же Андикъ довольно веселый малый и, лежа на диванѣ, онъ пересмѣивается съ Бобомъ и издѣвается надъ Стивой. Въ лежаніи на диванѣ и заключается романтизмъ Андика, — у него потребность столько-то часовъ въ сутки ничего не дѣлать. Андикъ — авторитетъ въ области хорошаго тона и всегда можетъ сказать, что модно и что нѣтъ, какъ нужно отвѣтить на приглашеніе и когда нужно дѣлать визиты. Самъ онъ, однако, никогда не дѣлаетъ визитовъ.

— Тебѣ бы нужно съѣздить къ такимъ-то, — говоритъ Стива.

— Да, не мѣшаетъ, — отвѣчаетъ Андикъ.

— Поѣдемъ сегодня, я ѣду туда.

— Сегодня, нѣтъ, не хочется.

Черезъ недѣлю онъ самъ говоритъ:

— Стива, тебѣ не нужно ли съѣздить къ такимъ-то?

— Нѣтъ, я тамъ былъ на прошлой недѣлѣ. А что?

— Да мнѣ нужно съѣздить.

— Такъ и поѣзжай.

— Я-то, одинъ?

— Что же тебѣ няньку нужно?

- Нѣтъ не няньку, а такъ скучно.
- Что же, ты не поѣдешь?
- Нѣтъ, — говоритъ Андикъ.
- Да ты тамъ не былъ съ осени!
- Больше, съ прошлой весны.
- Это невѣжливо.
- Что и говорить, конечно, невѣжливо.

Но Андикъ, когда онъ въ хорошемъ настроеніи, придаетъ комнатѣ уютный видъ. Онъ самъ рѣдко что-нибудь рассказываетъ, но, лежа на своемъ диванѣ, онъ все время вставляетъ замѣчанія и заставляетъ другихъ смѣяться. Андикъ немного близорукъ и пенсне немного портитъ его глаза. Андикъ очень слѣдитъ за своею наружностью, носить приборъ посерединѣ и ухаживаетъ за ногтями.

Стива считаетъ себя романтикомъ, хотя изъ всѣхъ трехъ носитъ самые короткіе волосы. Онъ увлекается Вагнеромъ, Листомъ и Скрябинымъ, и когда его товарищи говорятъ, что они не любятъ новѣйшей музыки, онъ качаетъ головой: — «Какъ вы не романтичны», — говоритъ онъ: — «Боже мой, какъ вы не романтичны. Развѣ можно въ наше просвѣщенное время быть не романтикомъ? Позитивисты теперь только социаль-демократы и разбогатѣвшіе купцы. Образованный человѣкъ непременно долженъ быть романтикомъ».

Стива музыкаленъ и играетъ на роялѣ, правда, немного нечисто, но зато быстро и громко, какъ бы искупая тѣмъ свои недостатки. Онъ почти никогда не живетъ настоящей жизнью. Всякая книга и музыка приводитъ его въ экзальтированное настроеніе. Если онъ читаетъ Ибсена, его тянетъ въ Норвегію и ему хочется видѣть снѣжныя горы и лазурныя фіорды. Если онъ читаетъ Байрона, онъ чуть не плачетъ оттого, что не можетъ видѣть шотландскихъ замковъ, Если онъ слушаетъ въ театрѣ Вагнера, онъ живетъ мечтами въ Германіи. И смотря по книгѣ, онъ хочетъ ѣхать въ Парижъ, Лондонъ, Индію, Аѳины, Римъ, — но по большей части онъ сидитъ дома. Зато въ такія минуты онъ лишается способности къ какому бы то ни было дѣлу, онъ слоняется изъ угла въ уголъ, присаживается къ роялю и что-нибудь наигрываетъ, потомъ садится на диванъ къ Андикѣ и если тотъ тоже въ скверномъ настроеніи, онъ твердитъ за нимъ: — «Боже мой, какая скука!» — Тогда всякая работа валится изъ его рукъ. Но вотъ проходитъ вечеръ и онъ снова оживаетъ, снова тормозитъ всѣхъ своими планами и игрой, пока снова не упадетъ на книгу, которая его увлечетъ, или на музыку, которая его захватитъ.

Стива тоже слѣдитъ за своей наружностью, онъ любитъ низкіе воротнички, галстуки блѣдныхъ тоновъ, лаковые сапоги, длинные пиджаки темнаго цвѣта, бритые усы и носовые платки съ цвѣтной каемкой. Онъ любитъ смуглую кожу, тонкія губы и узкія кисти рукъ. Узкія кисти онъ любитъ потому, что у него самого кости широкія, а смуглую кожу и тонкія губы потому, что у него самого кожа смугла и губы тонкіе. Онъ вѣчно пробуетъ влюбиться, но никогда въ сущности еще не былъ влюбленъ, хотя пользуется успѣхомъ. Онъ слыветъ за очаровательнаго и интереснаго молодого человѣка, дерзкаго мальчишку и нахала. Такія разнообразныя мнѣнія происходятъ потому, что онъ очень неровенъ.

Когда Стива и Андикъ бывали оба въ скверномъ расположеніи духа, когда они садились въ кресла и сидѣли часами, тогда Бобу, несмотря на всѣ усилія, не удавалось вытащить ихъ изъ дому, или приняться за какое-нибудь дѣло.

4.

Въ субботу все утро Стива простоялъ у кассы, стараясь получить билетъ на концертъ пріѣзжей знаменитости. Когда онъ сходилъ по лѣстницѣ съ только что купленнымъ билетомъ, было уже два часа и онъ пропустилъ дома завтракъ.

Сегодня день рожденія Вѣрочки, сестры Андика; у нихъ вечеромъ будетъ балъ, на который онъ, конечно, приглашенъ. Если онъ зайдетъ также теперь днемъ, то получить что-нибудь поѣсть. Вѣрочка, милая Вѣрочка обрадуется ему, посадить его въ кресло, въ своей уютной комнатѣ, въ которой одно окно все закрыто плющемъ, и угоститъ его чаемъ, буттербродами и пирожками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо видѣть ласковые глаза Вѣрочки и ѣсть печенія ея приготовленія.

Онъ свернулъ на улицу, гдѣ жилъ Андикъ. Въ переднюю, когда онъ раздѣвался, заглянула Вѣрочка.

— Это только Стива, мама, — крикнула она въ дверь.

— Идите пожалуйста сюда, — сказала она ему, — мнѣ столько приготовленій къ сегодняшнему, что я все время въ хлопотахъ.

Она ввела его въ столовую, гдѣ сидѣла ея мать съ какой-то гостьей. И вотъ вмѣсто пирожковъ и буттербродовъ въ Вѣрочкиной комнатѣ, онъ долженъ пить чай съ двумя дамами. Вѣрочка куда-то исчезла. Потомъ мать Вѣрочки пошла провожать гостью и онъ остался одинъ. Тогда для развлечения онъ попробовалъ поморочить по телефону Вѣрочкину подругу, Марусю Полякову, но та, вмѣсто того, чтобы заинтересоваться, кто говоритъ съ ней, сразу повѣсила трубку. А на прощаніе Вѣрочка спросила Стиву: — почему онъ такой кислый.

Когда онъ пришелъ въ берлогу, онъ былъ такъ золъ, что отъ злости не могъ затопить каминъ и переменить мокрые сапоги, или же согрѣть воду для чая и поджарить гренки въ каминѣ, хотя теплый чай съ краснымъ виномъ и гренки съ масломъ лучшее средство противъ злости. Онъ сѣлъ въ кресло и толкнулъ ногой стульчикъ, и тотъ съ грохотомъ покатился на полъ.

— Господи, Боже, какъ отвратительно созданъ свѣтъ, какъ все, все отвратительно на свѣтѣ. Еще сентябрь, а каждый день идетъ дождь, вчера шелъ даже снѣгъ и сидился бѣлыми тающими хлопьями на зеленые листья. Небо — сѣро, какъ старыя цинковыя крыши и сапоги такъ мокры, что они булькаютъ на ходу. Какъ отвратительно брать билеты и остаться голоднымъ на весь день. И какъ отвратительны всѣ дѣвченки, даже Вѣрочка и та. Съ его стороны было очень мило зайти поздравить ее днемъ, онъ могъ бы ограничиться однимъ вечеромъ, а Вѣрочка, вмѣсто того, чтобы поблагодарить его за внимательность, говоритъ ему на прощанье: — отчего вы такой кислый. — А тутъ холодно, нѣтъ горячей воды для чая. И какъ ему все надоѣло!

Въ передней послышалось щелканье замка, пришелъ Андикъ.

— А, ты здѣсь, — сказалъ онъ. Стива не обернулся.

— Только тебя здѣсь еще не доставало, — сказалъ онъ злымъ голосомъ сквозь зубы.

— Что, соскучился безъ меня? — спрашиваетъ Андикъ.

— Чуть было не повѣсился, — отвѣчаетъ Стива дрогнувшимъ отъ злости голосомъ. — Каналья Андикъ еще смѣется!

— Ты, кажется, сегодня не въ духѣ?

— Прикажешь радоваться приходу такого осла?

— Брр... какой дождь, — сказалъ Андикъ. — Отчего ты не затопилъ камина?

— Если тебѣ нужно, такъ и затопи самъ.

— Я затоплю. Но что съ тобой?

Стива потерялъ терпѣніе, — мало этому дураку Андику притти сюда, онъ еще хочетъ разговаривать.

— Пошелъ къ чорту скотина, — отвѣтилъ онъ.

Андикъ былъ въ минорномъ настроеніи и не желалъ ссориться, онъ растопилъ каминъ и когда пламя затрещало, онъ сѣлъ передъ огнемъ въ кресло и закурилъ трубку.

Стива тоже досталъ изъ кармана трубку и коробочку съ табакомъ и протянулъ руку за спичками и тоже закурилъ. Онъ нѣсколько разъ выпустилъ дымъ изо рта, не вынимая трубки, одной рукой развязалъ шнурки сапогъ, бросилъ ихъ въ уголь и протянулъ ноги къ огню, опершись пятками на экранъ.

— Чортъ знаетъ что такое, — сказалъ онъ, наконецъ.

— У тебя болитъ животъ? — спросилъ участливо Андикъ.

— Нѣтъ, не то, мнѣ надоѣло.

— Что надоѣло?

— Все, все рѣшительно, мой отчимъ, съ его великолѣпными щиблетами, городъ, моя комната, все, все. Ты подумай только, сколько лѣтъ уже я зимой живу тутъ въ городѣ. Вѣдь я знаю всякую улицу, читаю всякій день однѣ и тѣ же вывѣски, хожу въ гости къ однимъ и тѣмъ же людямъ, и всюду одни и тѣ же разговоры. Какъ все это безконечно скучно. И вотъ въ такую погоду, сѣрую и дождливую, самъ становишься сѣрымъ, гадкимъ и хочется что-нибудь другое. Ты только подумай, — цѣлую зиму мы будемъ всѣ вмѣстѣ, вѣдь мы надоѣдимъ другъ другу.

— Можетъ быть, — согласился Андикъ.

— Недавно я читалъ біографію Гете. Послѣднія главы были названы *Sonnes Untergang* — Когда я прочелъ, мнѣ стало вдругъ невыносимо завидно и мнѣ захотѣлось плакать. Быть такимъ величественнымъ, быть такимъ богатымъ собою, чтобы всякое движеніе души имѣло свое выраженіе, чтобы тебя сравнили съ солнцемъ! Но вѣдь солнце должно быть только одно, и вотъ мы, мы должны быть тѣмъ, что освѣщалось бы солнцемъ. Вѣдь я не несчастливъ, я не умираю отъ нужды, у меня есть много чего нѣтъ у другихъ, но какъ часто во мнѣ что-то начинается и потомъ пропадаетъ безслѣдно. Если бы можно было дать каждой мысли, каждому чувству и стремленію всю полноту богатой жизни... Андикъ, я скисну тутъ, я созершенно скисну, я хочу видѣть страну Гете, хочу видѣть другую жизнь, хочу, чтобы моя жизнь

хоть немного была похожа полнотой на жизнь великихъ людей. Я люблю васъ всѣхъ, я люблю мою родину, своихъ знакомыхъ, но вѣдь мы — одинъ уголокъ міра, а тамъ цѣлое море неизвѣстнаго!

— Вѣдь ты, кажется, поѣдешь за баронессой за границу? — сказалъ Андикъ.

— Да, но когда еще мама вернется, мѣсяца черезъ два. О, какъ это будетъ великолѣпно, и какъ хорошо будетъ снова вернуться сюда, и вотъ въ этой самой комнатѣ, на этомъ самомъ диванѣ, говорить втроемъ о томъ, что случилось за это время.

— Да, бываетъ скверно, — согласился Андикъ.

Они посидѣли молча.

— Меня одно интересуетъ: посмотрѣть какая теперь стала Ася. Ты ее видѣлъ?

— Нѣтъ не видѣлъ.

Они снова помолчали. Въ передней раздался колокольчикъ.

— Кто-то пришелъ, — сказалъ Стива. Андикъ кивнулъ головой, — нельзя ничего сказать противъ.

— Нужно бы открыть, — сказалъ Стива.

— Нужно бы, — согласился Андикъ, усаживаясь удобнѣе въ кресло.

Колокольчикъ зазвонилъ снова.

— Не хорошо, что мы тутъ сидимъ и не открываемъ, — сказалъ Стива.

— Не хорошо, — отвѣтилъ Андикъ. Они помолчали.

— Звонить, — сказалъ Андикъ.

— Да ну его къ чортовой матери, — лѣниво отвѣтилъ Стива.

— Надоѣстъ звонить, — уйдетъ.

— Уйдетъ, — подтвердилъ Андикъ. Кто-то еще нѣсколько разъ дернулъ за ручку звонка, потомъ послышались уходящіе шаги.

— Ушелъ, — сказалъ, прислушиваясь, Стива.

— Не хорошо, что мы не посмотрѣли, кто это былъ, — сказалъ Андикъ.

Стива кивнулъ головой. — Не хорошо.

— Ты бы посмотрѣлъ.

— Я безъ сапогъ, — отвѣтилъ Стива.

— Ты не хочешь чаю? — спросилъ Андикъ.

— Хочу.

— Я — тоже.

— Пойди, завари.

— Я ужъ больно хорошо устроился. Молчаніе.

— А вѣдь хорошо бы выпить, — снова началъ Стива.

— Хорошо бы, — отвѣтилъ Андикъ.

— Кажется, кто-то поднимается по лѣстницѣ, если это Бобъ, онъ согрѣетъ воду. Это дѣйствительно былъ Бобъ, онъ привелъ съ собой ихъ общаго товарища.

5.

Длинная вереница праздничныхъ комнатъ, освѣщенная люстрами, лампами и свѣчами; упоительный вальсъ, — то убаюкивающей слухъ, то раздражающей своею страстностью и томящей нѣгой; свѣтлыя платья дѣвическихъ фигуръ и розы всѣхъ оттѣнковъ въ волосахъ, у пояса; букеты пестрыхъ цвѣтовъ и хрустальныя вазы на столахъ; блестящіе взоры и разгоряченныя лица и оживленныя улыбки и все это легкое опьяненіе бала, когда все знакомое кажется чѣмъ-то волшебнымъ, когда тусклыя краски загораются яркими оттѣнками, когда все зацвѣтаетъ подъ опьяняющимъ огнемъ веселья, — какъ хорошо это видѣть снова, послѣ долгаго лѣта, послѣ лѣсовъ, послѣ озеръ, сѣрыхъ скалъ и полей и маленькой мызы въ сосновомъ бору.

Стива входитъ въ гостиную и здоровается съ хозяйкой.

— Ай, какъ поздно, — говоритъ, улыбаясь, хозяйка, — гдѣ же Ирма? Она нездорова? Какъ жалко, что она заболѣла именно, сегодня. Можно ему предложить чаю?

— Нѣтъ, спасибо; онъ ничего не хочетъ. Его представляютъ гостямъ и онъ здоровается съ знакомыми и незнакомыми, но, пожимая руки, онъ смотритъ въ лицо только столько, сколько необходимо и сейчасъ отводитъ глаза въ сторону.

— Гдѣ же Ася, неужели же она еще не пріѣхала? Кажется, онъ достаточно опоздалъ, — неужели она пріѣдетъ еще позднѣе, или она совсѣмъ не пріѣдетъ, или она въ залъ, — теперь перерывъ и музыка не играетъ.

Вѣра говоритъ ему: — спасибо за ваши цвѣты. Но неужели же вы не пригласите меня на кадрили? Очень мило съ вашей стороны, что вы зашли сегодня днемъ, но я ждала, что вы меня пригласите. Какой вы недогадливый?

Стива извиняется — онъ не подумалъ, что всѣ кадрили могутъ быть разобранными. Конечно, онъ проситъ ее оставить ему что-нибудь, если только не все занято.

— Да, да — вторую кадрили она танцуетъ съ нимъ.

Ему очень хочется спросить Вѣру, гдѣ же Ася, но Вѣра можетъ понять, что онъ ею интересуется.

Онъ ни за что не спроситъ.

Они стоятъ около столика съ конфектами. Вѣра угощаетъ его.

— Возьмите вотъ эту, — говоритъ она. Въ дверь, ведущую въ залу, входитъ Ася.

Онъ стоитъ спиной къ ней и не видитъ ея, но онъ знаетъ, что это не можетъ быть кто-нибудь иной, только она. Онъ оборачивается, — она садится въ низенькое кресло въ углу гостиной, и знакомый лейтенантъ угощаетъ ее лимонадомъ. Онъ подходитъ къ ней.

— Узнаетъ ли его еще Анастасія Андреевна?

Она поднимаетъ голову и улыбается ему.

— Да, конечно, она не забыла его. А гдѣ же Ирма, она не пріѣдетъ?

— Нѣтъ, она — нездорова. Да мама и не хотѣла, чтобы она ѣхала, ей еще слишкомъ рано.

— Жалко, — говоритъ Ася, — я думала посмотрѣть на нее. И что же дальше? — спрашиваетъ она лейтенанта.

Лейтенантъ ей говоритъ о своемъ путешествіи, о томъ, какъ онъ ѣздилъ на пира-

миды.

Стива ждетъ нѣсколько времени, не спросить ли она еще что-нибудь, — нѣтъ, она внимательно слушаетъ, что ей говоритъ лейтенантъ, облокотившись подбородкомъ на руку. Тогда онъ отходить въ сторону.

Когда начинаются танцы, онъ хочетъ пригласить ее. Онъ подходитъ къ ней и кланяется, — лейтенантъ тоже встаетъ и говоритъ Асѣ; — можно мнѣ пригласить васъ, — и она подаетъ лейтенанту руку, хотя Стива приглашаетъ ее первый.

Да, она даетъ предпочтеніе лейтенанту.

— Слѣдующій танецъ съ вами, — говоритъ она Стивѣ, — а онъ слишкомъ гордъ, чтобы отстаивать свои права.

Наконецъ, когда она садится на свое мѣсто, онъ приглашаетъ ее. Онъ видитъ передъ собой ея строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковое лицо, милые глаза и ощущаетъ ея дыханіе на своей щекѣ, а бѣлая роза, приколотая въ волосахъ, качается и киваетъ ему въ тактъ танца.

— Ася, милая, какъ вы хороши, — хочется сказать ему.

— Вы все время были за границей, Анастасія Андреевна, — говоритъ онъ.

— Да, только разъ я пріѣзжала сюда на мѣсяць, васъ тогда здѣсь не было.

— Я былъ тоже за границей, на лѣтнемъ семестрѣ.

— Ну, какъ вы перемѣнились, выросли? Кажется, нѣтъ?

— Кажется не перемѣнился; я иногда впадаю въ дѣтство. Вы знаете, я сегодня морочилъ по телефону одну барышню.

— Ахъ, да, знаю. Вы говорили съ моей подругой Марусей.

— Откуда вы это знаете? Она догадалась, что это — я?

— А что? Это было бы для васъ неприятно?

— Это было бы ужасно. Скажите, пожалуйста, откуда вы это знаете?

— Нѣтъ, она не скажетъ.

— Почему?

— Просто потому, что не хочетъ. Онъ — слишкомъ любопытенъ.

— Пусть онъ — любопытенъ. Ему очень важно знать, если Маруся Полякова догадалась, что это былъ онъ, то какъ онъ будетъ встрѣчаться съ нею. Онъ назвалъ ее — медомъ своей души и еще чѣмъ-то.

— Да, пожалуй, еще узнаетъ баронъ и ему запретятъ говорить по телефону.

— Онъ умоляетъ ее.

— Нѣтъ, она не скажетъ, ни за что не скажетъ.

Музыка смолкаетъ, танецъ конченъ.

— Бѣдный мальчикъ, если васъ накажутъ, — говоритъ она, садясь на свое мѣсто, — я пришлю вамъ въ утѣшеніе игрушечнаго паяца моей маленькой племянницы, — самая подходящая игрушка для шаловливаго мальчика.

Лейтенантъ сидитъ подлѣ нея. Она завязываетъ съ нимъ снова разговоръ, какъ будто ей надоѣло заниматься со Стивой.

— Вы были въ Индіи, счастливецъ, — гворитъ она.

— Противная дѣвченка! Можетъ быть, она думаетъ, что если ей исполнилось 18 лѣтъ и если она ѣздила за границу, то она можетъ не обращать на него никакого

вниманія и обращаться съ нимъ, какъ съ мальчишкой? Сдѣлайте одолженіе, говорите о египетскихъ пирамидахъ и арабской архитектурѣ съ вашимъ великолѣпнымъ лейтенантомъ, который только тѣмъ и хорошъ, что носить форму. Она думаетъ, что онъ очень обиженъ? — Ни капельки! — Ему нѣтъ никакого дѣла ни до пирамидъ, ни до лейтенанта, ни до ней самой. Она узнала откуда-то его продѣлку и хочетъ его дразнить, — пожалуйста! Конечно, ему очень интересно знать, догадалась ли Маруся Полякова, кто съ ней говорилъ, но все-таки онъ не пойдетъ на удочку и не будетъ кланяться и просить сказать, откуда она узнала. Вотъ теперь она нарочно отвернулась отъ него и думаетъ, что его мучитъ любопытство; она нарочно разговариваетъ съ лейтенантомъ, чтобы показать ему, что онъ мальчишка и что съ нимъ неинтересно разговаривать. Онъ не нуждается въ ея вниманіи, ему рѣшительно все равно, что она думаетъ о немъ.

И откуда она услышала про телефонъ и Марусю. Только немного скучно сидѣть одному, когда всѣ другіе разговариваютъ. Куда пропала Вѣрочка? Она бы, конечно, обрадовалась ему. Какъ только онъ ее увидитъ, онъ пригласитъ ее и будетъ танцевать съ ней весь вечеръ.

Какая скука! И откуда только она могла узнать, ужасно интересно. И ужасно скучно. Такъ всегда бываетъ, когда ждешь многого. Жизнь приноситъ одни разочарованія и ее только можно обмануть, если говоришь себѣ: сегодня будетъ весело — будетъ скука, а если твердить: скука, будетъ скука, то непременно будетъ весело. . . И откуда она могла узнать?

Какъ хорошо онъ завязалъ сегодня банты на башмакахъ, дѣйствительно хорошо.

Вдругъ она оборачивается къ нему.

— Стива, у васъ великолѣпные башмаки и незачѣмъ смотрѣть на нихъ такъ долго, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Онъ не мѣняетъ позы и говоритъ, поднимая брови, самымъ учтивымъ и серьезнымъ тономъ:

— Я очень радъ, что вамъ хоть что-нибудь понравилось во мнѣ. Я не надѣялся на ваше вниманіе и очень тронутъ имъ. Жаль лишь, что всего только башмаки заслужили ваше одобреніе.

Она, какъ будто, не понимаетъ — шутитъ онъ или нѣтъ. Онъ невозмутимо смотритъ на нее.

— О, нѣтъ, я нахожу, что не только ваши башмаки, вы весь великолѣпны съ головы до ногъ, — говоритъ она. — Прямо хоть сейчасъ на модную карточку. Стива, сколько времени беретъ вашъ туалетъ?

— Не особенно много, около часу, — отвѣчаетъ онъ.

— Николай Алексѣевичъ, — говоритъ она лейтенанту, — вы видите, Стива носитъ низкіе воротнички, значитъ, это модно, а вы вонъ какой высокій надѣли, не хорошо, вы не фешенебельны.

— Я страшно польщенъ вашими словами, до сихъ поръ никто не признавалъ во мнѣ dandy несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось быть имъ. И тѣмъ болѣе мнѣ лестно слышать это отъ васъ, — говоритъ Стива, смотря на свои руки.

— Вы хотите убѣдить также, достаточно ли красивы ваши ногти, навѣрно они

очень хороши, можно посмотрѣть? — спрашиваетъ Ася, нагибаясь къ нему.

— Нѣтъ, его ногти это — камень преткновенія, они такіе ужасные и расколоченные отъ игры на роялѣ, что съ ними ничего ужъ не подѣлаешь.

— А вы много играете?

— Нѣтъ, не особенно, — некогда.

— Вы такъ сильно заняты?

— Нѣтъ, онъ не занятъ, но всѣ эти вечера, балы, концерты, театры отнимаютъ столько времени и отвлекаютъ отъ занятій, если только не считать, что балы и есть занятія.

— А онъ такъ считаетъ?

— Когда ихъ бываетъ много, то — да. Асѣ видимо начинаетъ надоѣдать разговоръ и она снова обращается къ лейтенанту. Тогда онъ удобно разваливается на стулѣ, съ видомъ человѣка вполнѣ довольнаго собой и потому не нуждающагося въ развлеченіи,

Когда дирижеръ кричитъ: — *M-rs les cavaliers, engagez vos dames pour le valse avec les figures*, — онъ приглашаетъ ее.

Онъ держитъ ея тоненькую ручку, одѣтую въ кружевную митенку, сквозь которую сквозитъ смуглая матовая кожа, а другая рука лежитъ у него на плечѣ, онъ слѣдитъ за поворотомъ ея головы и ея открытая шейка и запахъ ея духовъ застилаютъ туманомъ его голову, а бѣлая роза въ волосахъ, качаясь, киваетъ ему и дразнитъ его. Но онъ остается непоколебимъ.

— Вы очень хорошо танцуете, — говоритъ онъ чуть-чуть сквозь зубы, наклоняясь къ ней, тѣмъ тономъ, которымъ говорятся незначущіе комплименты.

Она сначала молчитъ, потомъ спрашиваетъ.

— Вы очень много выѣзжаете, Стива?

— Да, довольно много.

— Ахъ, простите, я васъ все время называю Стивой, можетъ быть, вамъ непріятно, я не спросила васъ, Вы, теперь, — большой.

— О, сдѣлайте одолженіе, напротивъ, очень пріятно.

Молчаніе.

— Вы очень хорошо прикололи розу, она качается вмѣстѣ съ вами, — говоритъ онъ все также сквозь зубы.

— Вамъ нравится? — спрашиваетъ она и наклоняетъ голову.

— Вы остались довольны вашей поѣздкой за границу, — говоритъ она.

— Да, было очень мило.

— Вы были долго?

— Четыре мѣсяца.

Снова молчаніе. Она ждетъ отъ него болѣе подробныхъ репликъ, но онъ, какъ будто, считаетъ нужнымъ только поддерживать разговоръ и съ меланхолической ловкостью большого танцора, которому все это давно извѣстно и успѣло надоѣсть, ведетъ ее по залѣ между танцующими парами, никого не задѣвая, то задомъ, то передомъ, то кружась вмѣстѣ съ нею.

— Ну, что же, вы догадались, — Маруся ужасно сердита.

Она хочеть его дразнить и заигрываетъ съ нимъ. Онъ не поддастся на ея хитрости, а она ничего не добьется отъ него...

— Конечно, мнѣ было бы интересно слышать, откуда вы знаете про это, но, если вы не хотите, я не осмѣлюсь вамъ надоѣдать своими разспросами.

— Вамъ очень хочется знать?

— Нѣтъ, вообще я хладнокровенъ и слово «очень» мнѣ рѣдко приходится употреблять.

— Вотъ какъ! Какой разочарованный!

Онъ молчитъ.

Когда она говоритъ мерсі, — онъ садится рядомъ на свободный стулъ. Онъ опускаетъ немного углы рта и щуритъ глаза и морщитъ лобъ. Ирма и Вѣрочка терпѣть не могутъ, когда онъ такъ гримасничаетъ. Но если онъ хочеть ихъ позабавить и показать, какъ слѣдуетъ держать себя въ обществѣ и быть разочарованнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, то онъ всегда опускаетъ углы рта и щуритъ глаза и говоритъ, наклоняясь къ своему сосѣду. Онъ умѣетъ это дѣлать безъ всякой утрировки, не даромъ же онъ изучалъ свою фізіономію передъ зеркаломъ.

Она еще порывается спросить его и онъ такъ же скучно, учтиво, отвѣчаетъ ей.

— Что дѣлаетъ Ирма? — спрашиваетъ Ася.

— Ничего, спасибо, — учится, занимается.

Напротивъ нихъ сидятъ Бобъ и Вѣрочка. Бобъ смѣшитъ Вѣрочку и передразниваетъ Стиву, принимая его позу и также опуская ротъ. Вѣрочка смотритъ на Стиву и хохочетъ и ему самому становится смѣшно, но онъ не подаетъ виду, что узналъ въ жестахъ Боба себя.

— Что, хорошо я умѣю занимать, — спрашиваетъ онъ про себя Асю.

— Еще немного и онъ окончательно надоѣстъ ей. Она смотритъ по сторонамъ; ужъ не ищетъ ли она своего неизмѣннаго лейтенанта? — Дѣло идетъ хорошо и онъ доволенъ своей тактикой.

Онъ идетъ къ Вѣрочкѣ. — Господь Богъ его не создалъ юмористомъ, онъ не умѣетъ говорить самыя простыя вещи такъ, чтобы всѣ смѣялись, или подмѣтить смѣшную черточку и передать ее словами и мимикой, онъ не умѣетъ дѣлать карикатуръ и импровизировать сценки, не то что Бобъ. Положимъ, онъ иногда можетъ быть остроумнымъ и даже ѣдкимъ, особенно, если его разозлятъ, но въ немъ нѣтъ юмора. Но все-таки онъ сумѣетъ занять Вѣрочку, онъ умѣетъ играть своей фізіономіей, и теперь, когда его разозлили, онъ не слишкомъ отстанетъ отъ Боба. Да, наконецъ, онъ можетъ быть самимъ собою, милымъ и интереснымъ Стивой, котораго любятъ барышни, не даромъ же сама Ася увлекалась имъ два года назадъ. Она хочеть его дразнить Марусей Поляковой? Хорошо!...

Онъ садится рядомъ съ Вѣрочкой. Онъ закидываетъ ее тысячами вопросовъ, вся меланхолія пропадаетъ.

— Какъ она думаетъ, не позвать ли изъ курительной комнаты лейтенанта, а то Анастасія Андреевна соскучилась? И что онъ замѣтилъ! Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ въ чертовски шикарномъ сиреневомъ жилетѣ. Неправда ли, съ нимъ хорошо танцевать, особенно первую кадрили, не уступить ли ему и вторую?

А Бобъ начинаетъ говорить по-фински, — онъ не знаетъ ни одного слова, онъ только подражаетъ звукамъ и мѣняетъ интонацію голоса. Его лицо совершенно мѣняется: около носа появляется складка, вѣки нависаютъ. Стива превращается въ англичанина, онъ говоритъ по-русски, по-французски и по-нѣмецки, но все съ англійскимъ акцентомъ.

Начиается вторая кадрили.

— Есть у Анастасіи Андреевны *vis à vis*?

— Нѣтъ еще.

— Не согласится ли она?

— Да, ей очень пріятно.

Бобъ уходитъ, и Стива садится на его мѣсто, по лѣвую руку Вѣрочки.

— Вѣра Михайловна, — говоритъ онъ Вѣрочкѣ, — какъ давно мы не видѣлись съ вами по настоящему. Даже сегодня днемъ вы только промелькнули.

— Вы у насъ очень рѣдко бываете, Стива. Я даже забыла, когда вы были у насъ.

— Я къ вамъ приду посидѣть въ вашей комнатѣ. Бобъ говоритъ, что нѣтъ на свѣтѣ комнаты уютнѣе вашей, она уютнѣе даже нашей гостиной. Вы мнѣ должны непременно рассказать, что вы дѣлали лѣтомъ.

— Стива, почему вы сидѣли тамъ такимъ мизантропомъ — спрашиваетъ Вѣрочка, — почему вы теперь совсѣмъ другой?

— Я сижу съ вами, развѣ можно быть мизантропомъ съ вами, — отвѣчаетъ Стива.

Онъ говоритъ ей о новой симфоніи, которую онъ слышалъ.

— Какая чудная вещь! Только Бобу и Андикю она не нравится, — да они ничего не понимаютъ.

И когда Андикъ спрашиваетъ мимоходомъ сестру: — довольна ли она вечеромъ, — она отвѣчаетъ: — ужасно довольна.

Ася слышитъ ее, потому что Вѣрочка говоритъ громко, а Стива спрашиваетъ ее про себя — что, хорошо я умѣю занимать?

Въ одной изъ фигуръ онъ встрѣчается со своей *vis à vis*.

— Вы сердитесь на меня, Стива? За что? Что я вамъ сдѣлала?

— Я? Я не сержусь, откуда вы это взяли?

— Вы почти не танцуете со мною и не говорите со мною. Неужели я такъ скучна, что со мною нельзя сказать двухъ словъ? Вы избѣгаете меня?!

Она внимательно смотритъ на него.

— Мнѣ кажется, скорѣе, вы. . . — онъ заминается. — Я еще не былъ въ Африкѣ, а васъ, кажется, она интересуется сегодня, — пробуетъ онъ улыбнуться.

— Вы обидѣлись? Не надо, Стива. Если бы я знала, что вы такой обидчивый и избалованный мальчикъ. . .

Когда кончается кадрили, онъ больше не сердится и не дѣлаетъ деревяннаго лица. Онъ снова смотритъ ей въ глаза и снова проситъ сказать ему, откуда она узнала про Марусю Полякову. Она соглашается, но подъ однимъ условіемъ — онъ будетъ слушаться ее во всемъ.

— Слушаться? Нѣтъ онъ не можетъ согласиться, она можетъ потребовать Богъ знаетъ что.

— Какъ хотите. Сію минуту, — обращается она къ приглашающему ее офицеру, — ну, такъ что же.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ рѣшительно Стива.

— Простите, что я задержала васъ, — говоритъ она офицеру.

А онъ, однако, не сердится на нее и не идетъ къ Вѣрочкѣ, а ждетъ ея возвращенія.

— Милая, противная Ася, ему нужно это узнать и она дразнить его.

— Я готовъ на ваши условія, — говоритъ онъ, хогда она возвращается.

— Вы будете слушаться?

— Да.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вы будете дѣлать все, что я потребую?

— Да.

Она хитро смотритъ на него. — Вы говорили отсюда, когда поздравляли Вѣрочку, она слышала изъ сосѣдней комнаты. Не она ли и сказала мнѣ?

Стива краснѣетъ и кусаетъ губы со злости. Дрянная дѣвченка морочила его весь вечеръ, а онъ и попался, какъ дуракъ.

Ася сидитъ въ гостиной.

— Какъ мнѣ хочется пить, — говоритъ она. Андикъ, который сидитъ съ нею рядомъ, встаетъ.

— Что она хочетъ, вина или лимонада?

— Нѣтъ, сидите, — говоритъ она, — у насъ съ вами такой интересный разговоръ, что жалко его прерывать. Стива можетъ принести. Пожалуйста, Стива, принесите мнѣ чего-нибудь, — говоритъ она и смотритъ на него, улыбаясь.

Танцы кончились. Уже поздно, но прежде чѣмъ ѣхать домой, нужно посидѣть спокойно, чтобы не простудиться на морозѣ.

— Стива, сыграйте, — говорятъ со всѣхъ сторонъ.

Но Стива не хочетъ играть: — Здѣсь такъ много народу, и развѣ можно назвать игрой его исполненіе, онъ можетъ лишь побренчать, у него нѣтъ техники и пальцы задеревенѣли.

Вѣра проситъ его: — Пожалуйста сыграйте, всѣ васъ просятъ, а вы хотите, чтобы васъ просили еще больше, или умоляли на колѣняхъ. Какъ вамъ не стыдно ломаться.

— Нѣтъ, онъ не думаетъ ломаться, онъ правда не можетъ.

— Отчего бы тебѣ не сыграть, — спрашиваетъ Бобъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь.

— Я васъ очень прошу, — говоритъ Ася.

— Я радъ бы, но я ничего не могу. Ася сдвигаетъ брови. — Я васъ не прошу, вамъ велю, — говоритъ она тихо и оборачивается въ другую сторону.

— Вы все еще здѣсь? А ваше честное слово? И Стива не возражаетъ.

———

Гости разъѣзжаются. Стива хочетъ надѣть на ея бѣлые башмаки галоши и онъ становится на одно колѣно.

— Нѣтъ, она надѣнетъ сама. Пусть онъ отыщетъ ея капоръ и дастъ ей рогонду.

— Ея капоръ съ бѣлыми лентами? Когда онъ накидываетъ ей на плечи рогонду, она долго не можетъ застегнуть крючка у ворота, — пальцы, путаются въ кружевахъ капора и мѣхъ рогонды. Нѣтъ, она не можетъ застегнуть и проситъ его. И онъ беретъ за края воротника, его руки почти касаются ея подбородка и онъ боится, какъ бы не задѣть ея лица, потому что его руки становятся вдругъ удивительно неувѣренными, а она поднимаетъ голову и подставляетъ шею.

— Вы хорошо играете, я не думала, — говоритъ она. — Но теперь я буду знать, что вы избалованнѣйшій мальчикъ въ свѣтѣ и притомъ ломака.

Въ душѣ у него снова что-то поетъ отъ радости.

— Нѣтъ, я не ломака, — говоритъ онъ, — я правда думаю, что играю плохо.

— До свиданья!

И когда на лѣстницѣ она даетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ея пальчики и никто этого не видитъ.

6.

Въ зимніе дни каминъ превращается въ какой-то священный очагъ, въ которомъ горитъ неугасимый огонь. Только успѣть остынуть за ночь пепелъ истлѣвшихъ углей, снова весело трещитъ пламя и холодная мрачная комната дѣлается уютной и теплой.

Не оттого ли зимой такъ хорошо ничего не дѣлать и сидѣть въ мягкомъ креслѣ? Не правда ли, если зимою горитъ огонь въ каминѣ, человѣкъ не нуждается ни въ работѣ, ни въ развлеченіи? Онъ не скучаетъ, хотя руки его безъ дѣла, а все потому, что теперь зима, а въ каминѣ горятъ уголья.

— Донъ, мой милый Донъ, что ты валяешься передъ огнемъ и грѣешь себѣ спину? Когда ты уйдешь отъ огня, тебѣ будетъ холодно и ты будешь дрожать, а то пожалуй ты схватишь ревматизмъ, если сразу выйдешь на улицу и ты станешь волочить ноги. Или у васъ, у собакъ, не бываетъ ревматизма, какъ ты думаешь на этотъ счетъ? Ты хорошій песъ, я знаю, что ты меня любишь и тебѣ нечего въ доказательство махать хвостомъ, когда я говорю съ тобою. Мы — хорошіе друзья и рѣдко ссоримся, а ты — умный, ты — ужасно умный и понимаешь все, что я тебѣ говорю, и тогда ты виляешь хвостомъ, или кладешь мнѣ на колѣни свою голову.

Ахъ, милый Донъ, почему послѣ длинной ночи; послѣ того, какъ ты танцевалъ въ шумной залѣ до тѣхъ поръ, пока тебя носили ноги, и ты не замѣчалъ усталости;

послѣ того, какъ передъ твоими глазами носились пары и мелькали вереницы и ты видѣлъ разгоряченныя лица и блестящіе глаза и громкая музыка поднимала все твое существо и нѣжила и ласкала тебя и застилала туманомъ твой умъ; послѣ того, какъ ты танцевалъ со своей дамой и держалъ ея станъ, гибкій, какъ ива, и стройный, какъ молодая ель, въ своихъ рукахъ и цѣловалъ ей руки на прощаніе, а ея глаза и запахъ волосъ опьяняли твою голову, какъ крѣпкое вино; послѣ того, какъ цѣлый вечеръ и часть ночи пронеслись, какъ одинъ сладкій мигъ, — почему теперь, послѣ всего этого, теперь, на другой день, подъ вечеръ тебѣ становится безконечно грустно и тоскливо, какъ будто ты читалъ только что исторію Паоло и Франчески или слушалъ Тристана, или баллады Шопена? Ты не знаешь, что тебѣ недостаетъ и что тебѣ нужно дѣлать, ты ходишь по комнатѣ взадъ и впередъ и поешь что-то подъ носъ и думаешь о вчерашнемъ вечерѣ, о зимнихъ долгихъ ночахъ и грустныхъ сказкахъ и ищешь утѣшенія, но всюду лишь находишь одну сладкую тоску, а утѣшеніе куда-то пропало и ты не можешь его отыскать.

Отчего, когда я вынимаю изъ кармана случайно платокъ, который я надушилъ вчера вечеромъ и который былъ со мною; отчего, когда я подношу его къ лицу, на меня вдругъ вѣетъ чѣмъ-то милымъ и знакомымъ и я вспоминаю темные волосы, свѣтлое платье, бархатные глаза и еще много удивительно прекраснаго? И тогда мнѣ пріятно думать, что это тотъ самый платокъ, съ тѣми же самыми духами, который былъ у меня вчера.

Или въ этомъ виновата темнота вечера? Или тишина за окномъ, или я вспоминаю Тристана? О, милый Донъ, не называется ли это любовью и не виновата ли она въ томъ, что мнѣ такъ грустно сегодня?

7.

Послѣ обѣда, Стива сидѣлъ въ кабинетѣ, подобравъ по своему обыкновению ноги и курилъ. Два офицера, товарищи Володи, говорили о послѣднихъ политическихъ событіяхъ, въ открытую дверь неся говоръ изъ столовой. Вѣрочка, проходя мимо кабинета, заглянула въ дверь.

— Простите, — сказала она, — тутъ нѣтъ моего брата, онъ куда-то пропалъ, какъ и всѣ. Стива, вы долго еще будете курить?

Стива всталъ и бросилъ папиросу, — нѣтъ, сказалъ онъ, — если вы позволите, я пойду съ вами.

— Пойдемте въ гостиную, или въ комнату Аси, — сказала Вѣрочка, — тамъ навѣрное Ирма, Андикъ и Ася.

Ася была въ гостиной.

— Иди сюда, Вѣрочка, — сказала она, садясь на диванъ, — тутъ хватитъ всѣмъ мѣста. Садитесь сюда, Стива, — и она указала рукой. Онъ опустилсѣя и, по привычкѣ, обнялъ колѣно, она сѣла рядомъ съ нимъ. Потомъ она быстро встала и повернула электрическую кнопку, и люстра, ярко освѣщавшая комнату, погасла, только маленькая лампа съ зеленымъ абажуромъ, стоявшая на столѣ, осталась горѣть.

— Неправда ли, такъ гораздо лучше? — сказала она.

Вѣрочка кивнула головой.

— Ирма, вамъ тамъ не слишкомъ темно? — спросила Ася Ирму, смотрѣвшую какую-то книгу на столѣ съ Бобомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ — очень хорошо.

— Если кто-нибудь хочетъ курить, то пожалуйста, вотъ тутъ пепельница.

Стива поблагодарилъ ее и вынулъ папиросу.

Она подошла къ дивану и сѣла немного бокомъ лицомъ къ нему и облокотилась на подушки, заложивъ руки за голову. Она вытянула шею и закинула голову далеко назадъ, словно хотѣла разсмотрѣть что-то надъ собой на потолокъ. Ея смуглая шея имѣла такой хрупкій видъ, точно она была вылита изъ фарфора.

— Итакъ, вы ѣдете завтра, — сказала она, не мѣняя положенія.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — я ѣду завтра съ десятичасовымъ поѣздомъ.

Она косила на него глаза, не мѣняя позы и сказала: — мы больше не увидимся.

— Развѣ вы такъ скоро уѣзжаете? — спросила Вѣрочка, — неужели и эту зиму вы не проведете тутъ?

— Не знаю, папу, кажется, переводятъ на другое мѣсто.

— Теперь, зимой?

— Да, теперь, зимой и тогда мы скоро уѣдемъ.

— Стива, а вы? На сколько времени вы ѣдете?

— Мѣсяца на два, мы вернемся на Рождество.

— Вы — рады?

— Еще бы.

— Мы больше съ вами не увидимся, — повторила Ася. Она отняла руки отъ головы и подобрала подъ себя ноги такъ, что только кончики сапогъ виднѣлись изъ-подъ платья и, оперевшись подбородкомъ о руку, она снова приняла такую же неподвижную позу, какъ и раньше, какъ будто она хотѣла изобразить живую картину.

— Что съ тобою, Ася? — спросила Вѣра.

— Со мною? — Ничего. Ты будешь мнѣ писать, если я уѣду? Да, конечно, ты хорошая. . . А вы? — обратилась она къ Стивѣ.

— Если вы позволите?

Маленькое молчаніе.

Ася неожиданно поднимаетъ голову.

— Вы очень любите музыку? — спрашиваетъ она. Онъ киваетъ головой, — да, люблю.

— И вы очень любите галстухи, башмаки и тому подобное?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, — галстухи?

— Да, да, все это? Мнѣ хочется знать, любите ли вы, интересуется ли васъ что-нибудь кромѣ музыки и васъ самого. Вы не пугайтесь, тутъ нѣтъ ничего плохого, только мнѣ хочется знать.

— Не знаю, — отвѣчаетъ онъ, — вы, Вѣрочка, правы, съ Анастасіей Андреевной случилось что-то.

— Со мной? Да, вы правы, со мной что-то дѣйствительно случилось. Знаешь,

Вѣрочка, — прибавила она помолчавъ, — я влюблена, я чертовски здорово влюблена.

— Да, вы влюблены? — спросилъ Стива, стараясь быть равнодушнымъ.

— Ася, милая, въ кого? — спросила Вѣра.

— Да, да, въ кого? Кто тотъ счастливецъ? — повторилъ Стива.

— Ужъ не замѣтила ли Ася, что онъ немного покраснѣлъ и что онъ только старается быть равнодушнымъ.

— Вотъ, въ томъ-то и дѣло, что я не знаю, счастливецъ ли онъ, или нѣтъ. Можетъ быть, я ему совершенно безразлична, можетъ быть, ему нѣтъ никакого дѣла до меня. Если бы узнать?

— Вы попробуйте, — посоветовалъ Стива.

— Какъ?

— Сдѣлайте глазки, прикокетните. . .

— Пробовала.

— И что же?

— Не рзберешь его, непонятный онъ. Пожалуй, я думаю, что иногда. . .

— Что вы думаете? — спросилъ быстро Стива.

— Нѣтъ, ничего.

— Что онъ тоже влюбленъ въ тебя? — спросила Вѣра.

Ася кивнула головой, — ахъ, нѣтъ это не можетъ быть, тогда бы онъ былъ другой.

— Потому-то вы такъ и грустны?

— Должно быть. . . Нѣтъ, я совсѣмъ не грустна. Понимаешь, Вѣра, я здорово влюблена, во какъ. . . Иногда мнѣ такъ хочется поколотить его за то, что я вотъ тутъ хожу, за то, что мнѣ его одного недостаетъ, а онъ ничего не понимаетъ.

— Какія у васъ жестокія наклонности, — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтила она, подумавъ, — иногда. . . А иногда мнѣ такъ хочется обнять его и сказать, какъ я его люблю. Ты, Вѣра, этого не понимаешь, ты совсѣмъ другая.

— Если это все касается меня, Анастасія Андреевна, — сказалъ съ другого конца комнаты Бобъ, — то вы лучше сами скажите, что вы любите меня, я такъ не пойму, человѣкъ я еще не бывалый.

Она засмѣялась — нѣтъ, это не — вы.

Въ гостиную вошли два офицера, игравшіе раньше въ шахматы и говорившіе о политикѣ. Они подсѣли къ дивану около Вѣрочки. Ася не перемѣнила позы, она еще больше подобрала подъ себя ноги и, опершись головой о подушку, смотрѣла на Стиву.

Вѣрочка заговорила съ офицерами, — ну, кто изъ васъ выигралъ?

— Добрая Вѣрочка, она всегда спасаетъ его.

Онъ наклонился ближе къ Асѣ. Ея голова съ гладко причесанными волосами, обвивавшими ее, словно большая черная шапочка и виднѣвшимися изъ-подъ волосъ небольшими ушами, лежала на подушкѣ. Ея глаза, съ полуопущенными рѣсницами, смотрѣли на него и сквозь тонкій полуоткрытый ротъ сквозили бѣлые зубы.

— Да, со мною бываетъ, — началъ онъ, понижая уже безъ того слабый голосъ, — что какая-нибудь чудная книга или другое какое-нибудь произведение искусства дѣлаетъ меня влюбленнымъ, что слова, звуки, образы и символы, въ которыхъ художникъ умѣетъ воплотить все свое богатство души такимъ чудеснымъ образомъ

и которымъ онъ передаетъ другимъ свои мысли и чувства, что они дѣйствуютъ на меня такъ сильно, такъ мучительно реально, что я не знаю — грежу ли я, или живу наяву. И тогда удивительная романтика, съ ея изумительнымъ богатствомъ охватываетъ меня, и я то жажду совершить подвигъ, то чувствую всю тоску міра, то я люблю и тогда я не знаю, кого я люблю.

Словно изъ двухъ натянутыхъ струнъ одна откликается тѣми же звуками, которыми дрожитъ другая. Такъ точно и мы откликаемся на чувства чужой жизни и мы слышимъ внутри себя звуки то радостные, то грустные, несмотря на то, что въ нашей жизни не было причинъ, ихъ породившихъ, что они такой же слабый откликъ струнъ на боль и радость чужой жизни. И тогда я чувствую одну тоску или одну любовь, безъ предметовъ, безъ ясныхъ представлений, нѣтъ, любовь, какъ мечту и чувство. Тогда я хожу по комнатамъ взадъ и впередъ и не могу найти покоя, потому что все остальное такъ обыденно и робко въ сравненіи съ той грезой, что у меня внутри. Недавно я слышалъ Тристана и теперь въ душѣ моей растутъ и падаютъ аккорды и звучитъ пѣснь Изольды. Недавно я видѣлъ одну дѣвушку, ея кожа была такъ восхитительна смугла, я танцевалъ съ нею и голова кружилась отъ близости къ ней, а сердце билось радостнѣй и время летѣло незамѣтнѣй. И теперь я хожу и тоскую и не знаю, люблю ли я грезу и увянутъ ли эти обольстительные цвѣты такъ же быстро, какъ зацвѣли. Но тогда зачѣмъ при имени Изольды у меня словно распускаются розы, зачѣмъ я тоскую о ней такъ долго?

Онъ помолчалъ.

— Недавно мнѣ сказали: — завтра тебя, конечно, нельзя застать дома, ты не будешь дома? — Да, — отвѣтилъ я, — меня не будетъ дома, но откуда ты это знаешь? — Завтра день одной святой, день ангела твоей Изольды, такъ стоитъ въ календарѣ. — Да, конечно, — сказалъ я, — завтра день этой святой, но развѣ въ календарѣ стоитъ, что меня не будетъ дома, или что Изольду зовутъ этимъ именемъ? — Нѣтъ, — отвѣтили мнѣ, — тамъ этого не стоитъ. Но когда при мнѣ кто-то произнесъ ея имя, ты какъ-то, особенно посмотрѣлъ и я догадался.

Онъ молчалъ, она молчала тоже.

— А давно это было? Теперь? — спросила она.

— Да, въ этомъ году, — отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Вы любите Изольду?

— Да, Изольду. . . Дома я хожу изъ угла въ уголь и во мнѣ что-то поетъ и я не слышу, когда меня спрашиваютъ; баронъ сердится за мою невнимательность и мама бранить меня. Моя маленькая сестренка прибѣгаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ, что со мною. Я люблю мою Изольду, отвѣчаю я, ее одну.

Онъ замолчалъ.

Въ сторонѣ Вѣрочка защищала какую-то новую книгу отъ нападковъ обоихъ мичмановъ. Бобъ и Ирма все также у стола смотрѣли книги.

Вѣрочка на минуту обернулась къ нему.

— Вы должны намъ сыграть передъ отъѣздомъ.

— Да, да, сыграйте, — сказала Ася, — мнѣ жалко, что вы уѣзжаете. У насъ передъ отъѣздомъ будетъ балъ и я хотѣла бы, чтобы вы были на немъ.

Ея рука чуть-чуть слишкомъ большая, но правильная и красивая, лежала на спинкѣ дивана около его плеча. Онъ смотрѣлъ на ея красивый изгибъ, на смуглый оголенный локоть. Онъ оглянулся, никто не смотрѣлъ и они сидѣли въ самомъ темномъ углу. Она сидѣла неподвижно, подобравъ ноги, и пристально смотрѣла куда-то впередъ, точно на пестромъ коврѣ она нашла что-то удивительно интересное. Онъ откинулся назадъ, какъ будто хотѣлъ облокотиться на подушки, повернулъ лицо къ ней и, наклонившись, поцѣловаль тихо ея руку. Ася не пошевельнулась; она все также сидѣла, какъ будто она ничего не чувствовала, какъ будто онъ поцѣловаль не ея руку, а подушку дивана и все такъ же смотрѣла впередъ.

— Вы рады ѣхать? — спросила она, наконецъ, и внимательно посмотрѣла ему въ глаза, точно хотѣла прочесть тамъ что-нибудь.

Онъ не растерялся. — Она хочетъ узнать, про кого онъ говоритъ. — Нѣтъ, этого никогда не будетъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — я страшно радъ ѣхать.

— А вамъ не жаль... вашу... Изольду? — спросила она.

— Одно другому не мѣшаетъ, — сказалъ онъ засмѣявшись, а кромѣ того, почему вы знаете, можетъ быть, Изольды тутъ нѣтъ, можетъ быть, она сама за границей и потому мнѣ не жалко уѣзжать.

— А, да, конечно, — прошептала она. Вѣрочка встала, — Ну, Стива, пойдѣте, вы только что тутъ говорили объ Изольдѣ, — сыграйте о ней.

Всѣ поднялись и начали выходить въ залъ.

— Пойдите, — сказала вдругъ Ася, — вы просили меня сказать вамъ что-нибудь на прощаніе — я вамъ скажу это теперь.

Она взяла его за руку и подвела обратно къ дивану, потомъ встала на цыпочки, взяла его голову и поцѣловала его.

— Я не знаю, кто ваша Изольда, — сказала она прерывисто, — но сейчасъ мнѣ все равно! Идите, Вѣра зоветъ васъ... — и она отвернулась.

Онъ обернулся, — въ дверяхъ стояла Вѣра.

— Что же вы не идете? — говорила она.

— Видѣла она что-нибудь? Нѣтъ, ея не было здѣсь и она только потомъ опять заглянула.

И онъ вышелъ вслѣдъ за нею, высоко неся голову, словно онъ видѣлъ весь свѣтъ у своихъ ногъ.

Онъ кончилъ играть. Ирма торопитъ его домой, она не хочетъ оставаться къ чаю, мама велѣла ей вернуться пораньше.

— Да, да, сейчасъ. Можетъ быть, ее проводить Бобъ, ему нужно готовиться къ экзаменамъ и онъ хотѣлъ тоже уйти рано. Но если Бобъ не можетъ, онъ проводить ее. Не видала ли она, гдѣ Ася?

— Нѣтъ, не видала, но, кажется, Ася въ гостиной.

Ася стоитъ у окна и смотритъ въ окно гдѣ мелькаютъ золотые огоньки и серебряныя звѣзды.

— Ася, — говоритъ онъ тихо, — Ася, милая, — говоритъ онъ еще тише. Передъ нимъ ея темная стройная шея и темные волосы. Онъ наклоняется и цѣлуетъ матовую кожу около уха.

Она вздрагиваетъ и оборачивается. Она обвиваетъ крѣпко его шею руками и цѣлуетъ его въ губы, и онъ чувствуетъ за ея губами твердые, бѣлые зубы.

— Я люблю васъ, — говоритъ она. — я люблю ваши глаза, ваши волосы и вашъ ротъ. . . Вы мой любимый. . .

8.

Свѣтаетъ. Развѣ можно спать въ такую ночь, развѣ можно спать, когда въ душѣ все поетъ, и волна гордости охватываетъ все существо, когда сбываются робкія мечты и грезы становятся жизнью, а жизнь дѣлается такой же волшебной и обольстительной, какъ сказка. Свѣтаетъ. Свѣжій воздухъ врывается въ окно и наполняетъ комнату ночнымъ холодомъ, надъ крышами небо начинаетъ горѣть, тучи и облака начинаютъ свѣтиться нѣжнымъ свѣтомъ и рѣдкія звѣзды гаснутъ одна за другой.

Внизу въ саду вѣтеръ тихо шелеститъ опавшими листьями, на улицѣ слышится первый грохотъ телѣгъ, а въ душѣ стоятъ обольстительные образы, тонкія дѣвическія руки — и глаза чувствуютъ поцѣлуи.

— Ася, моя дорогая, моя любовь, я смотрю въ окно, на причудливые облака и на тихій опустѣвшій и опавшій садъ и чувствую радость, потому что сегодня со мною что-то случилось. Да, это меня поцѣловала одна дѣвушка, молодая, какъ весна, и меня охватила такая гордость. Ничто въ мірѣ не можетъ возвысить такъ, какъ ея поцѣлуй, потому что ея глаза глубоки и измѣнчивы, какъ море, ея руки — нѣжны, какъ золотистыя облака и ея поцѣлуи крѣпки, какъ вино, а она сама прекрасна, какъ сказка. Ася, моя дорогая Ася, я вспоминаю всѣ твои движенія, всѣ перемѣны твоего лица. — Я влюблена, — сказала ты, — я чертовски влюблена. — Я стоялъ и ты подошла ко мнѣ, отвела въ сторону и поцѣловала такъ крѣпко, что я чувствовалъ твои жемчужные зубы.

Теперь осень, листья падаютъ одинъ за другимъ и деревья стали совершенно голыми и въ продолженіе всей зимы они будутъ сиротливо качаться и скрипѣть передъ окнами. Скоро выпадетъ снѣгъ и большіе и маленькіе звѣри уснутъ сладкимъ сномъ,

а золотое солнце будетъ все позже вставать и скупиться своими лучами. Отчего же у меня въ сердцѣ цвѣтеть весна и распускаются прекрасныя цвѣты?

Есть много прекрасныхъ вещей. Люди строятъ красивыя зданія, пишутъ удивительныя книги и слагаютъ пѣсни. Богъ создалъ синія горы, туманныя дали, быстрыя рѣки и раскидистыя деревья, но есть ли на свѣтѣ что-нибудь лучше и прекраснѣй молодой дѣвушки восемнадцати лѣтъ, которой пришла пора любить? Ася, дорогая!

Онъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ и вдругъ онъ вспоминаетъ Асю такой, какой она была, когда она поцѣловала его и тогда по всему тѣлу проходитъ сладкая дрожь и онъ поднимаетъ голову и вытягиваетъ руки, потому что онъ — гордъ. Онъ садится на окно и слушаетъ шелестъ листьевъ и шумъ просыпающагося города. Какъ быстро бѣжитъ время, хотя оно ничѣмъ не наполнено.

Ему хочется играть, онъ садится къ роялю. Баронъ и баронесса далеко, — онъ не потревожитъ ихъ сна, и они не услышатъ его любви. Онъ одинъ теперь со своей любовью.

Онъ играетъ Шопена, такого же дѣвическаго и нѣжнаго, какъ она, онъ играетъ свои фантазіи и ему кажется, что никогда онъ такъ хорошо не игралъ, какъ теперь. Потомъ онъ снова ходитъ по комнатѣ и садится на открытое окно. Онъ выпрыгиваетъ изъ окна. Въ эти минуты его жизнь слишкомъ полна, чтобы онъ могъ сидѣть на мѣстѣ, онъ ходитъ по дорожкамъ и громко поетъ и выпрямляетъ руки, потому что онъ слишкомъ счастливъ. Онъ не чувствуетъ холода, хотя дуетъ вѣтеръ, онъ не обращаетъ вниманія на то, что ноги его мокры, такъ какъ онъ ступаетъ по лужамъ и мокрой листьѣ.

Въ домѣ начинаютъ шевелиться. Сквозь открытое окно онъ видитъ, какъ горничная убираетъ комнату. Увидѣвъ, что окно открыто и услышавъ скрипъ качелей, она подходитъ къ окну и удивленно смотритъ, какъ онъ высоко качается.

Какъ хорошо утро!

— Стива, неужели это ты такъ рано всталъ сегодня, — кричитъ ему черезъ окно Ирма, — вотъ удивительно! А я хотѣла тебя разбудить.

— Да, Ирма, представь себѣ это я, — отвѣчаетъ онъ и бѣжитъ къ окну, — я ужасно рано всталъ сегодня!

Онъ прыгаетъ на окно и садится на подоконникъ и цѣлуетъ ее.

— Какъ ты спала, моя милая? Неправда ли, какъ хорошо утро и какой свѣжій воздухъ въ саду, — и онъ смѣется отъ радости,

Ирма тоже смѣется. — Что съ тобою? Ты въ томъ же самомъ платьѣ, въ которомъ былъ вчера вечеромъ у Аси. Стива, какой ты смѣшной! Ты совсѣмъ не спалъ?

— Нѣтъ, я не спалъ.

— Боже мой, не спалъ цѣлую ночь, что же ты дѣлалъ. Неужели ты долго оставался у Аси и только что вернулся? Вотъ видишь, не хорошо, что я согласилась вернуться съ Бобомъ безъ тебя. Вѣдь ты хотѣлъ остаться на часъ или на два?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не такъ поздно вернулся.

— Что же ты дѣлалъ?

— Я ходилъ и игралъ на роялѣ. Мнѣ было ужасно хорошо. Знаешь, иногда хочется ходить, словно у тебя выросли крылья, или тебѣ подмѣнили ноги и ты не можешь

сидѣть на мѣстѣ и ходишь, ходишь безъ конца. Такъ и со мной сегодня.

— Какой ты смѣшной, вѣдь ты устанешь сегодня. Сегодня тебѣ много дѣла и ночью ты будешь спать въ вагонѣ.

— Нѣтъ, ничего, я не устану.

— Ты не ляжешь сейчасъ?

— Сейчасъ? Нѣтъ, я не могу спать.

— Тогда ты долженъ скорѣе переодѣться и пить со мною кофе. Сегодня, кажется, единственный разъ, что ты не опаздываешь, а то всегда я пью одна.

— Да, да я сейчасъ, — говоритъ онъ и впрыгиваетъ въ комнату. По дорогѣ на лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ Дези.

— Здравствуй, маленькая, — говоритъ онъ, поднимая ее.

— Ты уѣзжаешь сегодня надолго?

— Нѣтъ, совсѣмъ не надолго. Я скоро вернусь.

— Но вѣдь ты говорилъ.

— Я говорилъ раньше, вчера, а теперь совсѣмъ другое дѣло.

9.

Послѣ утомительной бѣготни по магазинамъ, послѣ улицъ, трамваевъ и всѣхъ приготовленій къ отъѣзду, онъ заснулъ, сидя въ креслѣ. Весь день онъ чувствовалъ себя гордымъ и встрѣчнымъ онъ говорилъ про себя, — «если бы вы знали, что случилось со мною вчера!» — и иногда сладкая судорога пробѣгала по тѣлу, и онъ закрывалъ глаза, чтобы лучше видѣть свою грезу. Онъ два раза звонилъ къ Асѣ по телефону, чтобы сказать, что онъ не можетъ остаться, что уже взяты билеты и всѣ рассчитываютъ на него, но что онъ вернется прежде, чѣмъ она уѣдетъ. Утромъ ему отвѣтили, что она еще не встала, во второй разъ, ея не было дома и онъ попросилъ передать только свою фамилію. — Если бы ему удалось увидеть ее передъ отъѣздомъ! Но вѣдь онъ не можетъ пойти къ ней, такъ какъ онъ былъ вчера.

Когда уже смерклось, горничная разбудила его, она что-то говорила ему.

— Да, да, — отвѣтилъ онъ, не понимая ни одного слова изъ того, что ему говорятъ и, устраиваясь въ креслѣ поудобнѣе, но горничная не оставила его въ покоѣ, она подошла къ самому креслу и громко начала говорить ему. Его кто-то спрашиваетъ въ передней.

— Кто? Гдѣ? —

— Молодая дама спрашиваетъ его.

— Дама? — говоритъ онъ, раскрывая глаза, — меня? —

— Да, васъ.

— Вы вѣрно ошиблись, она спрашиваетъ барона.

— Нѣтъ, она спрашиваетъ молодого барина, Степана Андреевича.

— Вы не знаете кто она такая.

— Нѣтъ, я ее не видѣла, я недолго служу у васъ.

— Хорошо, я сейчасъ прійду.

Онъ протираетъ глаза мокрымъ полотенцемъ и по дорогѣ на лѣстницѣ поправляетъ проборъ и галстухъ. Сходя внизъ, онъ видитъ Асю. На ней большая черная шляпа съ широкими полями, падающими ей на плечи, и съ черными перьями.

Онъ бѣжитъ внизъ и цѣлуетъ руки, и снимаетъ перчатки.

— Пойдемте въ садъ, — говоритъ она, — тамъ намъ будетъ лучше, сюда могутъ прійти Ирма или дядя. Я знала, что вы позвоните, что вы не уѣдете такъ, не простившись. Я хотѣла видѣть васъ, вѣдь мы, можетъ быть, не увидимся долго. Вы не хотите остаться?

— Нѣтъ, онъ правда не можетъ. Если бы ему предстояло ѣхать черезъ недѣлю, то онъ могъ бы отговориться и баронъ нашелъ бы кого-нибудь другого, или поѣхалъ бы самъ. А теперь, все рѣшительно готово. Мама, дѣйствительно, не можетъ пріѣхать одна и ждетъ его. Онъ уже и такъ отложилъ свой отъѣздъ, потому что хотѣлось вчера быть у нея. Теперь всѣ на него рассчитываютъ и правда будетъ не хорошо, если онъ заболѣетъ или останется.

— Нѣтъ, — говоритъ Ася, — конечно, это не надо.

— Раньше онъ хотѣлъ путешествовать, онъ рассчитывалъ провести два съ половиной мѣсяца за границей, но теперь — нѣтъ. Теперь онъ будетъ думать о томъ, какъ бы ему скорѣе вернуться домой. Это удастся, баронессу будетъ легко уговорить, она сама хочетъ вернуться домой.

— Пойдемте, возьмите шляпу, — говоритъ она, — Ирма вчера забыла у насъ свой зонтикъ, вотъ, передайте ей. Я не могу остаться долго.

Онъ открываетъ дверь. — Я буду думать о васъ все время.

Въ саду темно. Окна въ домѣ освѣщены кое-гдѣ и сторы спущены. На темномъ небѣ вырисовываются вѣтки деревьевъ и отблескъ освѣщеннаго города свѣтится въ низкихъ облакахъ надъ крышами.

Они садятся на длинную скамейку у забора. Она позволяетъ ему снять перчатки и цѣловать руки. И она сама поднимаетъ вуаль и наклоняется къ нему, а ея большая черная шляпа мѣшаетъ приблизить ей свое лицо.

10.

Баронесса и Стива вернулись раньше, чѣмъ предполагали. Снова по утрамъ изъ ванны, гдѣ Стива мылся, раздавалось пѣніе, снова онъ бѣгалъ по комнатамъ съ Дономъ и маленькой Дези. Снова у баронессы начались приемы и обѣды, на которые пріѣзжали важные господа и нарядныя дамы.

По средамъ у баронессы былъ пріемный день. Тогда къ темному домику на тихой улицѣ подѣзжали экипажи и лакей въ сѣрой курткѣ съ золотыми пуговицами открывалъ и затворялъ дверь, а горничная съ бѣлымъ чепчикомъ на волосахъ безпрестанно носила чашки съ чаемъ въ красный кабинетъ, гдѣ вокругъ стола, заваленнаго книгами съ картинами и журналами, и теперь установленнаго вазами и тарелочками, стояли мягкія кресла всѣхъ фасоновъ, со спинками и безъ спинокъ, съ ручками и безъ ручекъ. Баронесса, еще такая молодая для своихъ лѣтъ, хотя съ нѣскольکو

истомленнымъ выраженіемъ лица, сидѣла въ концѣ стола, поддерживая разговоръ и вставая для встрѣчи новыхъ гостей. Баронъ пріѣзжалъ по средамъ немного ранѣе обыкновеннаго и заставлялъ послѣднихъ гостей, говорилъ съ ними о политикѣ и приглашалъ остаться къ обѣду. Вечеромъ всѣ ѣхали въ концертъ или въ оперу.

Возвращаясь домой, Стива осматривалъ въ передней пальто, чтсбы опредѣлить кто изъ гостей пріѣхалъ сегодня и стоитъ ли появляться въ кабинетъ. Онъ постоянно старался избѣгнуть чиннаго чаепитія и тонныхъ разговоровъ, хотя баронесса посылала наверхъ Дези за нимъ для того, чтобы онъ сошелъ внизъ и занималъ бы гостей.

Сегодня вернувшись домой, онъ увидѣлъ знакомую сѣрую шубку.

— Барышня Анастасія Андреевна здѣсь? — спросилъ онъ лакея.

— Да, здѣсь.

— Давно она пріѣхала?

— Нѣтъ, только что.

Онъ быстро вошелъ въ кабинетъ, онъ поцѣловалъ руку матери и поздоровался съ гостями.

Баронесса, какъ бы желая объяснить его позднее появленіе и прервать вызванное его приходомъ минутное молчаніе, спросила его, хотя отлично знала, гдѣ онъ былъ.

— Ты былъ въ университетѣ?

— Да, мама, — отвѣчалъ онъ.

Онъ оглянулся вокругъ, ища себѣ мѣста.

— Тутъ вотъ есть свободный стулъ, — сказала Ася, понявъ его мысль, — идите сюда.

Она подвинулась со своимъ стуломъ въ сторону и придвинула на свободное у стола мѣсто кресло, стоявшее въ сторонѣ.

Онъ кинулся въ ея сторону,

— Спасибо, зачѣмъ вы беспокоитесь? — пробормоталъ онъ, садясь рядомъ съ нею.

— Вамъ что-нибудь передать? — спросила она.

— Да, пожалуйста, вонъ тѣ шоколадныя вафли, это — мое любимое печеніе и если я въ пріемные дни прихожу сюда, то только ради вафель, или. . .

— Или?

— Ради хорошенькихъ барышень.

— И часто онѣ здѣсь бываютъ?

— Такъ, приблизительно, черезъ разъ. Въ будущую среду навѣрно не будутъ, но зато вафли всегда тутъ.

— Зачѣмъ же вы пришли сегодня?

— Вы напрашиваетесь на комплименты и хотите, чтобы я назвалъ васъ хорошенькой барышней?

— Конечно, хочу, — сказала Ася тихо. — А къ другимъ я буду ревновать, — добавила она, еще понижая голосъ и наклоняясь внизъ, чтобы не обратить вниманія другихъ.

— Знаете, у меня есть къ вамъ дѣло.

— Дѣло? Это — ужасно, я совсѣмъ не дѣловой человѣкъ, даромъ же баронъ

называетъ меня шалопаемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ это — не серьезное дѣло. Сегодня мама нездорова и не можетъ вечеромъ итти въ концертъ. Я ужасно рада этому, хотя не хорошо радоваться чужому несчастью.

— Конечно, не хорошо.

— Ну вотъ, а я радуюсь, знаю, что не хорошо, а радуюсь, и все изъ-за васъ, — сказала она такъ же беззвучно, не смотря на него.

— Я могу отдать билетъ, кому хочу. Я сказала мамѣ, что вы очень хотѣли пойти на этотъ концертъ и что у васъ нѣтъ билета, видите, я даже для васъ соврала, — но мама какъ будто находить не хорошимъ, что мы ѣдемъ одни и сказала, чтобы я предложила билетъ Ирмѣ. Вы должны устроить такъ, чтобы Ирма не ѣхала и отдать свой билетъ кому-нибудь и говорить, что его у васъ никогда не было. Мнѣ очень жалко, что надо немного схитрить, но какъ же быть иначе.

— Какъ это великолѣпно будетъ! Я все устрою. Пожалуйста, позовите сюда барышню, — сказалъ онъ горничной.

— Ты поздно вчера вернулась, — спросилъ онъ у Ирмы, когда та вошла въ комнату и сѣла рядомъ съ Асей.

— Очень поздно, съ твоей стороны было очень не хорошо не ѣхать со мною, было страшно весело.

— А завтра ты куда-то приглашена?

— Да.

— Какъ ты много выѣзжаешь, ты совершенно блѣдная. Тебѣ нужно сидѣть дома. Какъ это мама тебя пускаетъ?

— Я общала ей, что завтра будетъ послѣдній разъ.

— Ася предлагаетъ тебѣ ѣхать на концертъ, но я думаю, что мама не пуститъ тебя.

— Билетъ на концертъ! Ахъ, какъ я хотѣла бы итти! Я спрошу маму, можетъ быть, ее можно уговорить.

— Вотъ мы сейчасъ ее спросимъ. Мама, — сказалъ Стива громко.

— Подожди Стива, я сама спрошу, ты все испортишь, — шепнула умоляюще Ирма.

— Ирма завтра идетъ на балъ? — спросилъ Стива, не обращая вниманія на взоры Ирмы.

— Да, но въ послѣдній разъ. Анастасія Андреевна предлагаетъ билетъ сегодня на концертъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — запротестовала баронесса. — пожалуйста, Ася, не смущайте ее, ей нужно рано ложиться.

— Вотъ видишь? — сказалъ радостно Стива, — сестра, тебѣ нельзя ѣхать.

При прощаніи Ася спросила его, — вы заѣдете за мною, да?

— Если вы позволите?

11.

Выпалъ снѣгъ, деревья покрылись инеемъ и вода въ прудахъ замерзла. Стива не видалъ Асю уже нѣсколько дней. Въ послѣдній разъ, когда они видѣлись вскользь, торопясь куда-то, и условились, когда видѣться снова, Ася запретила ему вызывать ее по телефону, — онъ такъ много съ ней разговаривалъ, что ея домашніе начинаютъ что-то подозрѣвать; когда она дома и въ комнатѣ, гдѣ стоитъ телефонъ, никого не будетъ, она сама вызоветъ его, если ей будетъ нужно, но самъ онъ пусть не звонитъ слишкомъ часто.

Эти дни она не вызывала его, но онъ не особенно огорчался этимъ, такъ какъ только что открылся катокъ и третьяго дня онъ купилъ новую тетрадку нотъ и теперь онъ катался на конькахъ и училъ новую пьесу, отъ которой приходилъ въ восторгъ.

Въ воскресенье было чудное утро. Низкое солнце блестѣло на улицѣ, перемежаясь съ глубокими синими тѣнями, и воробьи чирикали громче обыкновеннаго.

Сегодня послѣ трехъ дней воздержанія онъ можетъ позвонить къ Асѣ и позвать ее на катокъ.

— Анастасія Андреевна — дома?

— Это — она сама. Здравствуйте, Стива. Вы сейчасъ свободны? Пойдемте на катокъ.

— На катокъ? Сейчасъ?

— Вамъ не улыбается?

— Нѣтъ, нѣтъ. Очень хорошо.

— Да, да я прійду.

— Черезъ сколько времени?

— Да хоть сейчасъ, до скорого свиданія.

Проходя черезъ гостиную съ коньками въ рукахъ, онъ встрѣтилъ Ирму.

— Ты идешь на катокъ? Я тоже иду съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, — ты брала вчера ванну и тебѣ нельзя выходить утромъ и, кромѣ того, тебѣ нужно играть твои упражненія.

— Совсѣмъ мнѣ не нужно играть никакихъ упражненій, сегодня воскресенье, это ничего, что брала ванну, я могу пойти съ тобой.

— Не говори глупости, ты отлично знаешь, что мама не пуститъ тебя, у тебя только что былъ насморкъ.

— Но мой насморкъ давно прошелъ, — говоритъ Ирма плаксивымъ голосомъ.

— Пожалуйста, не хнычь и сиди себѣ дома.

— Но, Стива, почему ты всегда всюду ходишь тогда, когда я не могу.

— Мы пойдемъ съ тобой завтра, или даже, если хочешь, сегодня вечеромъ.

Слава Богу, ему удалось отдѣлаться отъ Ирмы, а то она чуть-чуть не испортила ему все утро.

На каткѣ пусто; кромѣ игроковъ въ хоккей почти никого нѣтъ. Онъ торопится надѣть сапоги и переодѣться въ бѣлую фуфайку, чтобы не опоздать и не прійти позже Аси.

Онъ обѣгаетъ катокъ — ея еще нѣтъ. Голубые и бѣлые игроки, весело сталкиваются въ непонятныя кучки и снова разлетаются по всѣмъ концамъ.

Онъ останавливается у барьера и смотритъ на игроковъ.

— Эй, Стива, — кричатъ ему, — иди сюда. Корфъ не пришелъ, иди на его мѣсто.

— Нѣтъ, спасибо, — отвѣчаетъ онъ, — я не могу.

Онъ смотритъ на часы. Уже десять минутъ, какъ онъ на каткѣ, а она живетъ ближе. Онъ покидаетъ свое мѣсто, снова обѣзжаетъ катокъ и заглядываетъ къ швейцару.

— Не приходила еще барышня N?

— Никакъ нѣтъ, только барышня Васильева, да еще одна — фамиліи не припомню, — а больше никто не приходилъ.

Онъ возвращается и начинаетъ чертить круги на гладкомъ льду. Бѣлыя полосы образуютъ параграфы и тройки, и мальчишки, не умѣющіе кататься, съ завистью слѣдятъ за нимъ, сидя на скамейкѣ.

Гдѣ же Ася? Ахъ, какая она стала неаккуратная, она, кажется, совершенно не думаетъ о немъ. До сихъ поръ она ни разу не обманывала его, а въ послѣдній разъ она куда-то торопилась и не говорила съ нимъ по телефону всѣ эти дни.

Онъ снова бѣжитъ къ швейцарской, чтобы скоротать время. Его охватываетъ нетерпѣніе и ему становится скучно одному вертѣться на одномъ мѣстѣ или смотрѣть, какъ тѣ дураки сшибаютъ другъ друга съ ногъ изъ-за какого-то глупаго маленькаго мячика. Почему она не идетъ? Онъ ждетъ ее уже больше получаса, изъ-за нея онъ торопился, пришелъ сюда на катокъ и мерзнетъ и злится здѣсь, а она?.. Что съ нею могло случиться? Позвонить по телефону? Нѣтъ, не стоитъ; конечно, она уже вышла, и ему скажутъ, что ея нѣтъ дома. Вотъ онъ заглянетъ въ швейцарскую и если ея нѣтъ, онъ вернется на свое мѣсто и въ теченіе десяти минутъ будетъ дѣлать восьмерку назадъ, чтобы скоротать время.

Десять минутъ проходитъ. Онъ уже изрѣзалъ въ одномъ мѣстѣ весь ледъ, и потъ выступилъ на лбу. Чортъ возьми! Долго ли это будетъ продолжаться? Какъ будто его не существуетъ и онъ не разговаривалъ съ ней утромъ. Хорошо. Онъ еще останется четверть часа, а потомъ пойдетъ домой, пусть она катается одна.

Онъ садится на скамейку и начинаетъ ковырять носкомъ ледъ и рыть ямку.

Она, кажется, очень увѣрена въ себѣ и въ его покорности и любезности, да, — но онъ тоже думаетъ, что она могла бы быть нѣсколько повѣжливѣе. Эти дѣвченки удивительныя копуны, а въ сущности онѣ ничего не дѣлаютъ. Чортъ возьми! ему надоѣло тутъ сидѣть на скамейкѣ, какъ пугало, и ковырять ледъ.

Онъ идетъ снимать коньки. Въ дверяхъ онъ встрѣчаетъ лейтенанта.

— А! — говоритъ тотъ, — и вы тутъ.

— Вы очень наблюдательны, — отвѣчаетъ Стива.

— У васъ, кажется, что-то болитъ?

— Нѣтъ, ничего, спасибо.

— Ну, такъ всего лучшаго.

За лейтенантомъ входитъ Володя.

— Вы одинъ?

— Нѣтъ, съ сестрой. Она въ раздѣвальнѣ.

— Вотъ какъ! Мало того, что она опоздала! Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы оставить Ирму дома, а она не могла отвязаться отъ Володи, а то, пожалуй, еще сама позвала его итти съ собой и пригласила лейтенанта.

— Вы больше не будете кататься?

— Нѣтъ, я посмотрю на васъ.

Они выходятъ. Ася только что спустилась на ледъ и здороваётся съ лейтенантомъ и смѣется тому, что онъ говоритъ ей. Они, очевидно, говорятъ о немъ, потому что смотрятъ на него.

Онъ продолжаетъ тихо итти.

— Здравствуйте, — кричитъ ему Ася, но не двигается съ мѣста и продолжаетъ говорить.

Онъ снимаетъ шапку и молчитъ. Она, не торопясь, вмѣстѣ съ лейтенантомъ приближается къ нему. — Я, кажется, не опоздала.

— Да, кажется.

— А вы ждали?

Нужно же дѣлать такіе вопросы?

— Да, онъ ждалъ.

— Бѣдный, что же вы не надѣваете коньки? Вы разсердились? Ну, надѣвайте коньки и идите сюда.

— Онъ не можетъ, онъ долженъ итти завтракать.

— Такъ рано, глупости, останьтесь.

— Нѣтъ, баронъ очень не любитъ, когда онъ опаздываетъ.

— Ну, какъ хотите, прощайте! говоритъ Ася и протягиваетъ ему руку.

— Она не хочетъ, чтобы онъ остался, хорошо! — Онъ вынимаетъ часы.

— Да, дѣйствительно еще рано, еще только двѣнадцать часовъ, онъ отлично еще можетъ покататься.

Онъ возвращается и снова надѣваетъ коньки.

Ася беретъ лейтенанта и ѣдетъ съ нимъ. Стива остается стоять, и когда Ася садится на скамейку, онъ говоритъ ей:

— Очень благодаренъ вамъ за вашу любезность и аккуратность.

Она не отвѣчаетъ.

— Вы слишкомъ рано заносите ногу, — говоритъ она лейтенанту, который пробуетъ дѣлать восьмерку.

— Я не понимаю васъ, если вы меня не любите больше, если я имѣлъ несчастье вамъ надоѣсть, зачѣмъ вы прямо не скажете, — это будетъ честно.

Она вспыхиваетъ, — не знаю, кто кому надоѣлъ. Кажется, я дѣйствительно слишкомъ часто видѣлась съ вами, и теперь вы позволяете себѣ слишкомъ много. Если бы вы меня дѣйствительно любили, какъ вы говорите, вы не устраивали бы мнѣ такихъ сценъ. Если вы измѣнились, то нечего дѣлать мнѣ упреки.

— Какъ вы можете говорить такъ! О, вы совсѣмъ меня не любите!

— Должно быть. Я говорю, что думаю.

— Теперь, конечно, лейтенантъ гораздо лучше меня. Нельзя ли узнать: сколько

времени онъ будетъ царить въ вашемъ сердцѣ, и когда ему будетъ дана отставка.

— Лейтенантъ много лучше васъ, хотя бы тѣмъ, что не станетъ говорить «царить въ моемъ сердцѣ» про себя. Онъ достаточно хорошо воспитанъ.

— Виноватъ. Спасибо, что вы напомнили мнѣ мое мѣсто. Я дѣйствительно сталъ забывать, въ какомъ аристократическомъ обществѣ я нахожусь.

— Да, вамъ лучше это помнить, а кромѣ того не затягивать разговоръ.

Она встаетъ. — Не такъ, не такъ, смотрите, видите, какъ надо? — говоритъ она лейтенанту.

— Боже мой, какъ онъ золъ! Какъ ему хочется наговорить всего, всего обиднаго, что онъ только можетъ придумать. Она спокойно показываетъ лейтенанту, какъ нужно дѣлать восьмерку.

Онъ косо смотритъ на нее, стараясь не показать, что онъ смотритъ.

— Интересно знать, какъ это она дѣлаетъ восьмерку.

Онъ уже самъ собирается показать, но останавливается.

Она дѣйствительно хорошо дѣлаетъ восьмерку, пожалуй, не хуже его самого. Должно быть, въ Швейцаріи она много каталась; если кататься каждый день, нѣтъ ничего мудренаго выучиться хорошо. А вотъ умѣетъ ли она дѣлать восьмерку назадъ, — говоритъ онъ про себя к началу чертить восьмерку.

Ася не смотритъ на него, она поправляетъ лейтенанта.

— Носокъ внизъ, руки направо, — говоритъ она.

Онъ нарочно увеличиваетъ кругъ и, наконецъ, какъ будто нечаянно, чуть-чуть не наѣзжаетъ на нее задомъ.

— Виноватъ.

— Вы умѣете восьмерку задомъ? — спрашиваетъ Стива Володю.

— Нѣтъ, а какъ это?

Но Ася вдругъ начинаетъ дѣлать не только восьмерку задомъ, но даже и скобки, она вертится волчкомъ, прыгаетъ. . .

— Чортъ возьми! какъ вы хорошо катаетесь, — говоритъ лейтенантъ.

Стива отходитъ въ сторону, — а умѣетъ ли она параграфъ задомъ?

— Вы можете проводить мою сестру, — говоритъ Володя, когда они выходятъ, — мнѣ сейчасъ надо зайти тутъ въ одно мѣсто, а вамъ, кажется, по дорогѣ.

— Конечно.

— Глупости, — перебиваетъ Ася, — мнѣ не надо никакихъ провожатыхъ.

— Если вы позволите, говоритъ лейтенантъ, — я подвезу васъ, у меня тутъ стоитъ автомобиль.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?

— Мнѣ это право ничего не стоитъ, только пріятно.

Лейтенантъ машетъ рукой шоферу, тотъ соскакиваетъ и начинаетъ вертѣть ручку мотора. Стива кланяется и хочетъ уходить.

— Погодите, я подвезу васъ, зачѣмъ вамъ итти пѣшкомъ.

Стива стоитъ минуту въ нерѣшительности, — спасибо, — говоритъ онъ.

— Пожалуйста, господа, садитесь.

Ася прыгаетъ и садится рядомъ съ шоферомъ, — тутъ веселѣе, — говоритъ она.

Володя и Стива входятъ въ каретку. Стива садится задомъ къ шоферу, чтобы предоставить хозяину лучшее мѣсто, но лейтенантъ захлопываетъ дверцы, вскакиваетъ на мѣсто шофера, а шофера сажаетъ внизу, и автомобиль трогается.

Черезъ минуту на углу Володя выходитъ и Стива остается одинъ, Лейтенантъ, очевидно, хочетъ себя показать молодцомъ и жарить, какъ дьяволъ такъ, что всѣ городовые смотрятъ ему вслѣдъ, а Ася, — она все время смѣется и говоритъ съ нимъ, и концы ея бѣлаго шарфа, обматывающаго шею, треплются о стекло. Лейтенантъ иногда оборачивается и киваетъ головой Стивѣ, но Стива сидитъ такъ, какъ будто его совсѣмъ нѣтъ, какъ будто карета пуста, и она только вдвоемъ съ лейтенантомъ.

По ея повороту головы, по ея улыбкѣ, по всему ея профилю онъ видитъ, что она великолѣпно себя чувствуетъ, что она нравится лейтенанту и знаетъ это, и потому ей такъ весело, и она чувствуетъ себя гордой.

— Конечно, она думаетъ, что онъ сидя въ каретѣ любитъ ея, да, онъ очень хорошо понимаетъ ее и довольство ея собой, своимъ костюмомъ, который такъ идетъ къ ней, погодой, автомобилемъ, на которомъ она ѣдетъ, даже лейтенантомъ, съ которымъ она сидитъ рядомъ, она чувствуетъ себя счастливой и позабыла его. Она не помнитъ, что это онъ ее позвалъ на катокъ, что это онъ ждалъ ее цѣлый часъ, что она его только что обидѣла, что она его разлюбила и что ему больно смотрѣть, какъ она кокетничаетъ съ лейтенантомъ. Да, конечно, кокетничаетъ; можетъ быть безсознательно, но тѣмъ хуже, а онъ долженъ смотрѣть на нее. У него нѣтъ имени, онъ случайно затесался въ ея кругъ; у него нѣтъ предковъ въ пятомъ поколѣнїи и герба на письмахъ; у него нѣтъ автомобиля, какъ у лейтенанта, онъ могъ бы привезти ее домой всего лишь на извозчикѣ, да и то попросивъ дома лакея заплатить, такъ какъ у него всего нѣсколько копѣекъ; у него нѣтъ формы и кортика на поясѣ, даже, можетъ быть, онъ глупѣе и некрасивѣе этого лейтенанта, но зачѣмъ же она оскорбляетъ его и дразнить и кокетничаетъ съ лейтенантомъ? Онъ не можетъ заставить ее любить себя. Если она его разлюбила, пусть такъ, но зачѣмъ же его злить и мучить? Злая Ася! Да всѣ эти дѣвчонки — одна, какъ другая. Злая дѣвчонка, ты не знаешь какъ ты дѣлаешь мнѣ больно! Ты думаешь, что онъ будетъ мучиться, нѣтъ, онъ не будетъ на тебя обращать вниманїя.

Моторъ подѣзжаетъ къ Асиному дому, но, къ удивленїю Стивы, не останавливается и ѣдетъ дальше.

Они хотятъ высадить его, чтобы безъ помѣхи ѣхать однимъ! Ахъ, Ася, Ася, — отъ тебя ли онъ это ожидалъ!

Моторъ дѣлаетъ поворотъ и останавливается у дома барона. Стива выскакиваетъ и благодаритъ лейтенанта и кланяется Асѣ,

— Не забудьте сегодня притти къ обѣду и напомните Ирмѣ.

— Очень благодаренъ, я непременно скажу Ирмѣ.

— А сами?

— Я не могу.

- Почему?
- У меня экзамены.
- Экзамены? Теперь?
- Да, теперь.
- Глупости, приходите.
- Нѣтъ, я не могу.
- Какъ хотите.

Стива входитъ въ подъѣздъ, и моторъ съ лейтенантомъ и Асей рядомъ съ нимъ отъѣзжаетъ.

12.

Зимніе дни. Въ лѣсу маленькія елочки занесены снѣгомъ, такъ что не видно ни верхушки, ни кончика зеленой вѣточки и только по маленькому холмику рыхлаго снѣга можно догадаться, что внизу растеть живое, зеленое деревцо. Вѣтви большихъ сосенъ и елей гнутся подъ тяжестью осыпавшаго ихъ и слежавшагося на солнцѣ и вѣтрѣ снѣга; онѣ тоскливо свѣсились книзу, и деревья стали похожи на большую птицу, которая или собирается летѣть, или садится на заборъ, но не успѣла еще прижать крылья плотно къ тѣлу. Только бѣлыя березки да рѣдкія рябины со сморщенными, частью опавшими на пушистый коверъ снѣга и выдѣляющимися еще ярче на бѣломъ фонѣ, ягодками, которыя клюютъ такіе же красные неунывающіе снѣгири, — только однѣ онѣ не гнутъ вѣтвей, а все также стоятъ голыя и осиротѣлыя среди вѣчнозеленаго и шумливаго лѣса.

Снѣгъ засыпалъ старые пни и дороги и красные и сѣрые камни и налегъ бѣлой полосой на стволы деревьевъ. Снѣгъ засыпалъ крышу мельницы и обрывъ, на которомъ она стоитъ, такъ что теперь можно взойти на крышу мельницы на лыжахъ. Снѣгъ лежитъ въ разсѣлинахъ скалъ и на высокихъ площадкахъ надъ озеромъ и летитъ внизъ мелкою пылью при яростныхъ порывахъ вѣтра, — а въ ясные дни, когда по всему лѣсу весело стучитъ дятель, такъ что даже до мызы доносится его стукъ, когда свистъ снѣгирей не заглушается рокотомъ качающихся деревьевъ и когда низкое солнце пригрѣваетъ красные покрытые мохомъ камни, капли талаго снѣга медленно скатываются внизъ съ отвѣсныхъ уступовъ и замерзая въ воздухѣ образуютъ длинныя ледяныя колонки, которыя блестятъ на солнцѣ, словно стѣны ледяного воздушнаго замка.

На мызѣ идетъ своя работа. Каждое утро молочница выѣзжаетъ изъ воротъ на низкихъ саняхъ, нагруженныхъ большими жестяными, наполненными молокомъ кувшинами. Работники ѣздятъ въ лѣсъ на рубку, или въ поле, на сѣноваль, за кормомъ для скота. Каждый день работницы снуютъ изъ курятника въ коровникъ съ ведрами за пойломъ и каждый день, ровно въ полдень звонитъ колоколъ, прикрѣпленный на двухъ балкахъ подъ амбаромъ и защищенный отъ дождя и снѣга маленькой крышей, и всѣ работники спѣшатъ по домамъ, побросавъ свою работу.

- Не думаетъ ли Ася, что въ деревнѣ, когда солнце садится такъ рано, вечера

тянутся долго и время, какъ будто, стоитъ, и стрѣлки часовъ замедлили свой ходъ, не думаетъ ли она, что Стива раскаивается, прїѣхавъ сюда, и не знаетъ, что ему дѣлать отъ тоски и что въ его мысляхъ всегда царитъ она? Ужъ не думаетъ ли она, что Стива вспоминаетъ все, что было между ними, всѣ ея слова, движенія и мучается отъ любви къ ней и не думаетъ ни о чемъ другомъ? — Нѣтъ, въ деревнѣ, въ лѣсу время идетъ такъ же быстро, какъ и въ городѣ, такъ же незамѣтно мчатся минуты, а его мысли витають вокругъ чего угодно, но только о ней онъ не думаетъ никогда.

Зимніе дни. Послѣ кофе онъ идетъ въ залу, большую комнату съ изразцовыми печами и портретами господъ и дамъ въ старыхъ костюмахъ — предковъ бароновъ. Онъ смотритъ черезъ балконную дверь на озеро, смотритъ, куда гнутся деревья, и сильный ли сегодня вѣтеръ. Онъ обходитъ портреты и всматривается въ лица. Передъ одной дамой онъ останавливается, — не потому ли, что она напоминаетъ ему кого-нибудь? О нѣтъ, просто она красива и молода.

Онъ беретъ свою шапку и идетъ на дворъ. Онъ обходитъ конюшню и заходитъ въ курятникъ и здоровается съ работниками.

— Ты поѣдешь сегодня въ лѣсъ, Михель?

— Да, мы поѣдемъ.

— Возьми лишній топоръ, я поѣду съ вами.

Внизу у пруда, на плотинѣ мельницы, теперь занесенной наполовину снѣгомъ, такъ какъ она стоитъ въ ложбинѣ, онъ видитъ стараго мельника Тику съ прямыми сѣдыми волосами, выбивающимися изъ-подъ шапки и такимъ же сѣдымъ, уже нѣсколько дней небритымъ, подбородкомъ.

— Здравствуй, Тика, — кричитъ онъ ему, — не видѣлъ ли ты сегодня заячьихъ слѣдовъ?

Они садятся на перила плотины и закуриваютъ трубки.

— Возьми мой табакъ, — говоритъ Стива, вынимая изъ кармана жестяную коробочку, — хорошій табакъ.

И Тика набиваетъ свою трубку и рассказываетъ ему о зайцахъ.

Когда работникъ проѣзжаетъ мимо, Стива садится въ сани и ѣдетъ на рубку. Къ обѣду онъ возвращается голодный и торопитъ кухарку скорѣе подавать обѣдъ.

Онъ слышитъ, какъ Ирма бѣгаетъ въ кухню и спрашиваетъ, не вернулась ли молочница со станціи и не привезла-ли она почту. Онъ видитъ, какъ она садится въ столовой на диванъ и разрываетъ конвертъ и начинаетъ читать письмо.

— Ты получила письмо? — спрашиваетъ онъ.

— Да, отъ Аси.

Приходитъ баронесса и всѣ садятся за столъ. За обѣдомъ онъ говоритъ объ охотѣ, о лошадяхъ, — но онъ ни разу не спрашиваетъ Ирму о томъ, что пишетъ Ася. Онъ даже не интересуется узнать, когда она прїѣзжаетъ, до такой степени она безразлична ему.

— Ася пишетъ, что она очень веселится тамъ.

— Да? — говоритъ Стива и встаетъ изъ-за стола.

Послѣ обѣда онъ беретъ ружье и зоветъ Дона и привязываетъ лыжи.

— Мы пойдемъ на охоту, Донъ, — говоритъ онъ ему, — будь умной собакой и не кричи такъ громко, когда я стрѣляю, веди себя какъ настоящая охотничья собака.

Онъ привязываетъ лыжи и спускается на озеро. Донъ скачетъ за нимъ по отлежавшемуся снѣгу, но въ лѣсу и среди кустарниковъ ему приходится плохо, — онъ проваливается въ рыхломъ снѣгу, но все такъ же поводитъ носомъ и неутомимо скачетъ, высунувъ языкъ. Вдругъ онъ садится подъ деревомъ и начинаетъ лаять.

— Что ты увидалъ, Донъ? Это просто маленькій пестрый дятель, который такъ стучитъ, что голова чуть не отлетаетъ отъ него. Тебѣ его не достать и онъ ни капельки не боится тебя. Ты хочешь, чтобы я застрѣлилъ его? Нѣтъ, Донъ, не будь жестокимъ. Иди, иди сюда.

Они подходятъ къ подножію скалъ. Стива отвязываетъ лыжи и кладетъ ихъ подъ елку и начинаетъ подниматься наверхъ. Онъ лѣзетъ, хватаясь за деревья, поднимаясь на рукахъ и перепрыгивая съ выступа на выступъ. Донъ прыгаетъ за нимъ. Когда уступъ слишкомъ высокъ и крутъ, Донъ жалобно пищитъ, царапается лапами по обледенѣвшимъ камнямъ и смотритъ вверхъ на Стиву, тогда Стива ложится, протягиваетъ руки внизъ, беретъ Дона за шиворотъ и тащитъ его вверхъ, а Донъ радостно барахтается и лижетъ ему лицо.

Вотъ онъ наверху. Стива снимаетъ шапку, ему жарко, и садится на камень.

— Ты усталъ? Смотри, — какой чудный видъ передъ нами, смотри, — какіе маленькіе домики и какая струйка дыма поднимается въ нашемъ Вендала, ты видишь, вонъ тамъ. Иди сюда, садись со мною рядомъ. Ты думаешь, Донъ, что твой хозяинъ занятъ одной дѣвушкой съ темными глазами, съ длинными рѣсницами и смуглой кожей, такой же, какъ на портретъ прабабушки барона. Ты думаешь, что онъ смотритъ пристально въ даль и видитъ передъ собой ея лицо! Не оттого ли онъ идетъ сюда наверхъ, чтобы никто не мѣшалъ его мечтамъ, чтобы онъ могъ насладиться своей тоской, чтобы онъ могъ слиться съ безпредѣльными, унылыми снѣгами и почерпнуть силы у вѣтра? Нѣтъ, Донъ, твой хозяинъ думаетъ о зеленомъ лѣсѣ, о мельникѣ Тикѣ, о шумѣ пороговъ, о пестромъ дятлѣ, что, не жалѣя своего носа, стучитъ по дереву, о сѣренькой бѣлкѣ, которую мы видѣли въ лѣсу, но ему нѣтъ дѣла до дѣвушки съ темными глазами.

Они сидятъ наверху другъ подлѣ друга. Стива кладетъ подбородокъ на колѣни, гладитъ Дона и смотритъ внизъ. Донъ смиренно сидитъ рядомъ, иногда хочетъ его лизнуть, щуритъ глаза на солнце и настораживается всякій разъ, когда изъ лѣсу доносится крикъ какой-нибудь птицы. И такъ они сидятъ долго, пока красный шаръ солнца не закатывается за стволами, пока не стихаетъ вѣтеръ и не смолкаетъ лѣсъ и не наступаетъ торжественная тишина, нарушаемая лишь отдаленнымъ глухимъ ревомъ незамерзшихъ пороговъ. Донъ иачинаетъ дрожать, ему становится холодно. Стива прикладываетъ руки ко рту и кричитъ, какъ Валькирія — «хой-йо-йо-хо», и эхо повторяетъ его крикъ, а Донъ удивленно смотритъ, склонивъ голову на бокъ, въ ту сторону, откуда раздалось эхо. Пора домой.

На дворѣ онъ встрѣчаетъ Ирму и Дези, на нихъ круглыя финскія шапки и высокіе сапоги.

— Стива! — кричатъ онѣ, — поѣдемъ кататься, намъ сейчасъ запрягутъ лошадь. И вотъ по темному таинственному лѣсу звенятъ бубенчики.

— Какъ хорошо! — кричитъ Дези, — я чуть чуть не вылетѣла на этомъ поворотѣ.

— Держись, мартышка! — говоритъ Стива, пуская лошадь съ горы.

Когда они приѣзжаютъ, онъ ложится въ темной столовой на диванъ и смотритъ на раскаленные уголья въ печкѣ. Въ сосѣдней комнатѣ Дези возится съ Дономъ и баронесса играетъ на роялѣ, а изъ кухни доносится звонъ посуды и запахъ чего-то жаренаго и чертовски вкуснаго.

Можетъ быть, теперь онъ вспоминаетъ Асю? Можетъ быть, въ пляшущемъ огнѣ онъ видитъ ее? — Какъ бы не такъ! Онъ совершенно не думаетъ о ней, слышите! Онъ припоминаетъ мелодію, которую пѣли вчера двѣ дѣвушки, идя по дорогѣ. У одной изъ нихъ были тоже темные глаза, большіе такіе же... Ахъ, да вѣдь ему рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до Аси. Онъ думаетъ о дѣвушкѣ, о пѣснѣ и гадаетъ по запаху, что будетъ къ ужину.

А потомъ онъ засыпаетъ.

Передъ самымъ ужиномъ, когда столъ уже накрытъ, онъ не можетъ устоять передъ соблазнительнымъ видомъ соленыхъ грибовъ, сыра и селедки...

Изъ кухни слышится веселый смѣхъ M-lle Marie, она вбѣгаетъ въ столовую и M-lle Marie кричитъ:

— Qui veut m'embrasser, j'ai mangé de l'oignon, qui veut m'embrasser ?

— Moi, — отвѣчаетъ Стива, — j'en ai aussi mangé de l'oignon.

M-lle Marie, смѣясь, вытягиваетъ голову и подставляетъ ему лицо.

Она думаетъ, что онъ не посмѣетъ?

Онъ тоже наклоняется и цѣлуетъ ее въ губы и оба смѣются.

Вечеромъ онъ въ послѣдній разъ выходитъ на воздухъ. Послѣ свѣтлой комнаты ничего не видно въ темнотѣ, и онъ идетъ, спотыкаясь, по двору и выходитъ за ворота. Онъ отходитъ нѣсколько шаговъ и облакачивается о дерево.

— Боже мой, какъ тоскливо, какъ рвется его душа и какъ хочется плакать ему! Но это не изъ-за нея, тысячу разъ нѣтъ! Въ зимнія ночи въ лѣсу такъ страшно и жутко. Въ зимнія ночи кто-то сторожитъ и слѣдитъ невидными глазами изъ-за деревьевъ, и все покоится мертвымъ сномъ и только онъ одинъ живой, страдающій среди холодной природы. Сердце его сжимается и слезы выступаютъ изъ глазъ. Отъ любовной тоски? — Нѣтъ, просто отъ того, что въ лѣсу жутко въ зимнюю ночь.

13.

Въ сочельникъ, послѣ обѣда, мужское населеніе Вендала рѣшило итти на скалы жечь костры.

— Стива, — спросила Ирма, — возьмите насъ съ собой, вы всегда ходите одни, а мы должны сидѣть дома.

— Пожалуйста; вамъ будетъ трудно, потому я не звалъ васъ.

— Мы будемъ очень рады, — сказалъ Андикъ, — чѣмъ больше, тѣмъ веселѣе.

— У всѣхъ ли есть высокіе сапоги? — спросилъ Стива, — подниматься придется безъ лыжъ по глубокому снѣгу. Вамъ нужно надѣть самыя короткія юбки, которыя только есть у васъ, да еще подколоть ихъ, не то онѣ совершенно промокнутъ. Если

у кого-нибудь нѣтъ высокихъ сапогъ, ты дай вторую пару.

— Да, конечно, но кажется у всѣхъ есть, а очень будетъ трудно?

— Да, довольно.

— Только, пожалуйста, нельзя ли поскорѣе. Вѣрочка, будьте ангеломъ — не копайтесь и торопите другихъ. Идите, идите одѣваться, — торопилъ Стива.

Черезъ полчаса Вѣрочка, Ирма и Ася вошли въ столовую.

— Посмотрите, у насъ хорошіе костюмы? — спросила Вѣрочка, смотря на свои сапоги и на короткую юбку. — Ахъ, Боже мой, они уже заснули, сидя въ креслахъ. Стива, Андикъ!

Стива встряхивается, — нѣтъ, онъ не заснулъ, онъ только сидѣлъ съ закрытыми глазами, а вотъ Андикъ, — тотъ дѣйствительно спитъ и даже храпитъ немножко.

Вѣрочка трясетъ брата: — вставай, старый лѣнтяй!

Андикъ открываетъ глаза, — я, кажется, заснулъ немного.

— Ха, ха, конечно, заснулъ. Иди же скорѣе, — всѣ готовы.

На дворъ выносятся лыжи и каждый привязываетъ ихъ къ ногамъ

— У тебя слишкомъ широки ремни, тебѣ надо проколоть еще дырочку, — говоритъ Андикъ сестрѣ.

Вѣрочка озирается кругомъ, ища не найдется ли кто ей помочь.

— Пожалуйста, проколите кто-нибудь. Андикъ медлитъ, можетъ, кто-нибудь другой захочетъ проколоть дырку.

— Позвольте, я сдѣлаю, — вызывается Стива. Онъ становится въ снѣгъ и вынимаетъ свой финскій ножъ, висящій у пояса.

— Вотъ такъ, теперь хорошо, — и онъ затягиваетъ ее ногу.

— Анастасія Андреевна, у васъ тоже что-то не клеится, позвольте я помогу вамъ.

— Нѣтъ, она сдѣлаетъ сама.

— Какъ она желаетъ.

Онъ привязываетъ себѣ и, подпрыгивая, поворачивается въ воздухъ, какъ бы желая убѣдиться, все ли въ порядкѣ.

— Всѣ готовы?

— Да, да.

Всѣ идутъ къ спуску. Вѣрочка боится скатиться, она такъ давно не каталась, а тутъ круто. Лейтенантъ предлагаетъ свои услуги. Стива слѣдитъ за Асей, — она стоитъ и смотритъ на багровый пожаръ заката и черные рѣзкіе силуэты деревьевъ на красномъ небѣ.

— Почему она стоитъ и не съѣзжаетъ внизъ, не хочетъ ли она съѣхать вдвоемъ?

— Нѣтъ, она съѣдетъ одна.

Онъ ѣдетъ одинъ, но не тамъ, гдѣ съѣзжаютъ всѣ остальные, о, тамъ слишкомъ просто, а между деревьями, лавируя и рискуя всякую минуту налетѣть на стволъ. Потокъ онъ поднимается еще разъ, беретъ себѣ на спину Дези, спускаетъ ее лыжи съ горы впередъ и ѣдетъ съ нею вмѣстѣ.

— Вы упадете, расшибете ее, что вы дѣлаете? — кричатъ ему, но Ася молчитъ.

Снизу онъ слѣдитъ, какъ она съѣзжаетъ, — конечно, она можетъ спускаться одна, она ѣдетъ увѣренно и не теряетъ равновѣсія на рытвинахъ.

— Пойдемте на пороги, — говоритъ Ирма, — тамъ такъ удивительно красиво и вода такая черная и зловѣщая, мы еще поспѣемъ,

Всѣ рѣшаютъ сначала итти на пороги. Стива идетъ впереди съ Вѣрой.

— Вы исходили всѣ окрестности за эту недѣлю. Скажите, почему вы такъ внезапно уѣхали?

— Внезапно?

— Да, вы хотѣли ѣхать вмѣстѣ съ нами, а потомъ. . .

— Я? Если не ошибаюсь, меня разозлила одна особа, которую я интересовалъ.

— Нѣтъ, серьезно?

— Я — совершенно серьезенъ. Развѣ вы не слыхали, что я влюбленъ въ Анастасію Андреевну, я думаю и она слыхала объ этомъ, неправда ли?

Ася молчитъ.

— Анастасія Андреевна, она, вообще, ужасно странная барышня. Она раньше хотѣла провести у насъ все Рождество, потомъ совсѣмъ отказалась и теперь пріѣхала только на нѣсколько дней. Она ужасно странная, ее никогда не поймешь, и она предоставляет думать о себѣ все, что угодно.

— Напримѣръ, что же вы думаете?

— О! — Стива зажмурилъ глазъ и подмигнулъ другимъ, — мало ли, я думаю интересныя вещи для меня.

Ася равняется съ нимъ. — Ужъ не думаете ли вы, что я пріѣхала сюда изъ-за васъ, изъ-за васъ перемѣнила свое рѣшеніе?

Онъ снимаетъ шапку и развязно кланяется. — Да, именно онъ это и думаетъ и если бы онъ очень постарался. . . онъ полагаетъ, — она бы снова перемѣнила свое рѣшеніе и осталась бы. . .

— Вы хорошо умѣете читать чужія мысли и, кромѣ того, дерзки.

— Скажите — нахаль. M-lle мнѣ ежеминутно повторяетъ, — vous êtes un nasal

— Да. M-lle права.

— Спасибо, до сихъ поръ я не думалъ, что вы пріѣхали изъ-за меня, и просто чесалъ языкъ, но теперь — вы меня увѣрили въ этомъ.

— Да перестаньте же ссориться, — сказала Вѣрочка.

Нѣсколько времени они шли молча. О, какъ она злится на него, и еще больше она злится потому, что она не знаетъ, какъ отомстить ему!

— Что же другіе отстали, — сказалъ онъ, наконецъ, и повернулъ назадъ.

—

Когда они подошли къ порогамъ уже наступили сумерки и противоположный берегъ неясно вырисовывался надъ черной, еще болѣе выдѣлявшейся своею рѣзкостью, въ сравненіи съ снѣжными берегами, водой. Вода шумѣла и бурлила, перехлестывая черезъ камни, яростно подмывая и разбиваясь о берега. Стива, и Андикъ отвязали лыжи и, опираясь о палки, начали прыгать по камнямъ. Ихъ ноги иногда скользили по мокрымъ и обледенѣлымъ камнямъ и они нѣсколько разъ чуть не падали

въ воду. Но Стива, не смущаясь опасности, чувствуя какую-то удивительную легкость и увѣренность въ себѣ, бѣжалъ вдоль берега по камнямъ все дальше и дальше, перепрыгивая съ камня на камень и балансируя всѣмъ тѣломъ.

Ася крикнула ему: — Не стоитъ рисковать купаньемъ, чтобы показать, какъ вы ловки.

Онъ услышалъ ее и покраснѣлъ. Онъ перепрыгнулъ еще нѣсколько разъ, чтобы не показать ей, что ея слова повліяли на него и воротился на берегъ. Вся его ловкость куда-то исчезла, онъ чувствовалъ себя неуклюжимъ и тяжелымъ, все равно онъ не могъ бы прыгать больше. Андикъ, забравшись на середину пороговъ, усѣлся на камкѣ и смотрѣлъ въ воду. Ирма, Бобъ и Вѣрочка отрывали куски льда отъ берега и бросали ихъ и слѣдили, какъ они разбивались о камни. Ясный мѣсяць уже начиналъ свѣтити и его блескъ отражался въ текущей водѣ.

Стива подождалъ, — да, конечно, такъ и должно быть. Конечно, онъ разсердилъ ее и теперь она будетъ мстить, если только сѣумѣетъ. Теперь она будетъ портить ему настроеніе и она — права. Онъ долженъ сознаться самъ себѣ, что онъ прыгалъ только потому такъ хорошо, что на него смотрѣли и потому онъ не имѣетъ права сердиться на нее.

— Пора бы итти, — сказалъ онъ робко, поглядывая на другихъ — а то уже поздно.

— Андикъ! — закричала Вѣрочка.

Снова всѣ понемногу выстроились въ два ряда и потянулись къ лѣсу. Стива догонялъ Асю. Ирма рассказывала лейтенанту.

— Лѣтомъ мы переѣзжаемъ тутъ на лодкѣ черезъ пороги. Сначала надо ѣхать по срединѣ, потомъ у того берега и тамъ ужасно страшно. Лодка несется, вода бурлитъ, отовсюду торчатъ камни. Мы проѣзжаемъ около самой стѣны, — вонъ той отвѣсной скалы, иногда кажется вотъ-вотъ налетимъ. Кто-нибудь изъ насъ, или я, или Стива стоимъ на носу и отталкиваемся отъ камней, а другой — сзади.

Стива подошелъ еще ближе къ Асѣ, — не сердитесь на меня, пожалуйста, — сказалъ онъ.

Она не отвѣтила.

— Только назадъ очень трудно, — говорила Ирма, — тогда приходится одному выходить изъ лодки и тащить ее на длинной, длинной веревкѣ по берегу.

— Пожалуйста, — повторилъ онъ ободренный ея молчаніемъ, — я очень виноватъ передъ вами, Ася, дорогая, — сказалъ онъ чуть слышно, — простите меня.

Она обернулась и захохотала ему въ лицо.

— Вотъ жалко вы не слышали! Повторите-ка Стива, что вы сказали мнѣ только что. М-ше, знаете, что онъ мнѣ сейчасъ сказалъ? Что — я его дорогая и еще что-то.

— О, онъ ужасный обманщикъ, онъ тоже меня называетъ дорогой.

Стива почувствовалъ, какъ горять его щеки, — Да, это была жестокая месть. Но если такъ, если она не хочетъ мира, если на всѣ его предложенія и его любезности она отвѣчаетъ отказомъ, если она его зоветъ молокососомъ, нахаломъ, говорить, что онъ рисуется, если она злитъ его на каждомъ шагу, — онъ знаетъ, что надо ему дѣлать. Онъ заставитъ ее устать такъ, какъ она никогда не уставала, онъ заставитъ ее проваливаться въ снѣгу, правда при этомъ пострадаютъ и другіе, ну да ничего.

Онъ вышелъ изъ ряда и обогналъ шедшую впереди Ирму.

— Ты идешь слишкомъ направо, бери лѣвѣе.

— Но вѣдь скала тамъ.

— Тамъ мы не можемъ подняться.

— Да, вѣдь мы поднимались съ тобой, тамъ совсѣмъ не трудно.

— Если ты находишь, что не трудно, пожалуйста иди, но не забывай, что то было лѣтомъ.

— Какъ же ты хочешь итти?

— Мы сдѣлаемъ маленькій крюкъ и поднимемся лѣсомъ.

— Это будетъ ужасно далеко.

— Совсѣмъ нѣтъ, я ходилъ такъ, — иначе невозможно подняться.

— Развѣ такая большая разница между зимой и лѣтомъ, помнится подъемъ былъ совсѣмъ не трудный.

— Ну и иди туда, поднимайся, если хочешь, ужъ если я не могу тамъ подняться, то гдѣ же вамъ всѣмъ.

Ирма замолчала.

— Такъ, значитъ, мы пойдемъ черезъ лѣсъ? — спросилъ Бобъ.

— Да, вотъ такъ, — и Стива показалъ рукой: — у лѣса мы оставимъ лыжи, чтобы ихъ можно было взять на обратномъ пути, потомъ пойдемъ вонъ по тому хребту. Теперь темно и потому плохо видно.

Они тихо подошли къ лѣсу. Закатъ потемнѣлъ и мѣсяцъ обливалъ все озеро. Лыжи были отвязаны и положены подъ кусты елокъ.

— Хорошенько запомните это мѣсто, — сказалъ Бобъ, — а то мы потомъ не найдемъ.

— Да вотъ — пень, вотъ — двѣ елки и большой камень у дороги.

Стива взялъ палку и спросилъ: — Всѣ готовы идти за мной?

Онъ пошелъ по дорогѣ. Лунный свѣтъ пробивался сквозь вѣтки и скользилъ по шагающимъ фигурамъ. Сначала всѣ молчали, потомъ кто-то прервалъ тишину.

— Это дорога въ Вендала?

— Нѣтъ, но по ней можно добраться до Вендала.

— Какъ трудно итти по дорогѣ въ темнотѣ, — сказала Вѣра. — Стива, скоро конецъ?

Стива остановился. — Да, конецъ скоро, надо свернуть съ дороги и подняться лѣсомъ.

— По снѣгу?

— Да, конечно, по снѣгу. Онъ предупреждалъ, что итти будетъ трудно и барышни сами настаивали и соглашались на трудности. Почему же теперь онѣ боятся? Тогда итти не стоило.

Онъ раздвинулъ вѣтки и вошелъ въ лѣсъ и всѣ по очереди послѣдовали за нимъ. Его фигура исчезла за деревьями и иногда его лицо или часть одежды попадали на полосу луннаго свѣта, и всѣ по очереди проходили черезъ тѣ же пятна, проваливаясь въ снѣгу и защищая лицо руками отъ хлещущихъ вѣтвей.

— Пожалуйста, не бѣгите такъ, — попросила Вѣрочка. — я совсѣмъ не хочу итти

сзади, сзади такъ страшно и я все время боюсь, что отстану,

Стива остановился. — Идите сюда за мной, М-ле, Ирма, вы тутъ? Идите за мной.

Онъ снова двинулся, онъ дѣлалъ большіе шаги, проваливаясь выше колѣна въ снѣгъ, каждую минуту останавливаясь, поджидая отставшихъ. Лица было трудно узнавать, благодаря пестрому освѣщенію. Всѣ весело перекликались, слышался визгъ, хохотъ и ворчаніе, что ихъ ведутъ по такой дорогѣ. Онъ не принималъ участія.

— Ужасно трудно, мы долго будемъ итти?

— Нѣтъ, Ирма. Иди сюда и ступай по моимъ слѣдамъ.

— Я не вижу твоихъ слѣдовъ и, кромѣ того, у меня не такія большія ноги, какъ у тебя.

— Я буду итти совсѣмъ тихо и дѣлать маленькіе шаги. Вѣрочка вы не очень устали?

— Нѣтъ. Я очень люблю такія прогулки, въ- прошломъ году мы страшно много ходили, вотъ только съ непривычки трудно.

Они снова двинулись. Иногда попадались такія заросли молодыхъ деревьевъ, что нужно было закрывать лицо руками, и онъ кричалъ тогда: — осторожно.

Иногда встрѣчались камни нужно было или обходить, или перепрыгивать, и всѣ кавалеры помогали своимъ дамамъ, а Стива становился наверху и подавалъ всѣмъ руку, и только, когда очередь доходила до Аси, онъ спрыгивалъ внизъ. Начался подъемъ, веселое настроеніе постепенно исчезло, все чаще слышались ворчаніе и жалобы.

— У меня всѣ сапоги полны снѣгу и я вся вымокла, — сказала Ася.

— Это чортъ знаетъ, что такое, — возмутился Андикъ. — Стива, куда ты насъ ведешь? Знаешь ли ты дорогу?

— Иди, иди, не разговаривай. Видишь, мы начали подниматься, скоро конецъ.

— Гораздо бы лучше подниматься краемъ, какъ мы поднимались лѣтомъ, — сказала Ирма.

— Ну и шла бы туда. Давай твою руку.

Нѣсколько минутъ всѣ шли въ молчаніи, но тутъ попалась котловина и пришлось спускаться, чтобы потомъ опять подниматься.

— Лейтенантъ, дайте этому негодюю затрещину. Бѣдная Анастасія Андреевна окончательно устала.

— Осыпьте его снѣгомъ.

— Пожалуйста остановитесь, дайте отдохнуть, — просили барышни.

Стива остановился, Андикъ подбѣжалъ къ нему.

— Подожди, я тебя отдѣлаю, говори: скоро ли мы придемъ, — и онъ схватилъ его за рукавъ.

Стива вырвался и отбѣжалъ нѣсколько шаговъ.

— Господа, я предупреждалъ васъ, что будетъ трудно, имѣйте терпѣніе. Если вы недовольны мною, — идите сами. Андикъ, оставь меня. Если вы будете браниться, — я сяду и не пойду дальше, или же заведу васъ куда-нибудь. Вѣдь я знаю дорогу и знаю, куда васъ веду.

Ропотъ немного смолкаетъ, — нѣкоторое время снова всѣ пробираются.

— У меня намокли ноги, елки хлещутъ по лицу, — говоритъ Ирма, — ай, ай, теперь еще приходится прыгать съ этого обрыва. Стива, тамъ не страшно?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь мягко, не бойся, я поддержу тебя.

И всѣ одинъ за другимъ скатываются съ камня куда-то внизъ, оттуда слышны голоса. Вдругъ кто-то кричитъ. Всѣ останавливаются.

— Что случилось?

— Ничего, Анастасія Андреевна упала.

— Вы не ушиблись? — спрашиваетъ ее лейтенантъ.

— Нѣтъ, ничего, немножко. О Боже, скоро ли конецъ! Я выбьюсь изъ силъ.

Лейтенантъ смущается. — Нашъ проводникъ ведетъ насъ чортъ знаетъ куда. Господа, идемте его бить.

— Да, да.

Снова летятъ снѣжки. Но Стива стоитъ въ сторонѣ, онъ кричитъ Дона и потомъ куда-то прыгаетъ и исчезаетъ въ темнотѣ.

— Онъ удралъ! Держите его! — кричатъ кавалеры и прыгаютъ за Стивой, — онъ удралъ, мерзавецъ, скотина!

Барышни начинаютъ просить: — покричите его и не грозите ему больше, не то мы останемся въ лѣсу и заблудимся.

— Побьемте его потомъ, дома или когда мы выйдемъ на дорогу, а теперь онъ нуженъ намъ, — говоритъ Ася.

— Да, да потомъ ужъ достанется ему. Всѣ по очереди начинаютъ звать его:

— Стива, Стива, го, го...

Никто не откликается, — онъ удралъ съ Дономъ.

— Кричите Дона, — совѣтуетъ Дези.

И снова всѣ кричатъ: — Донъ и Стива. На освѣщенномъ пятнѣ подъема показывается Стива.

— Ого! — кричитъ онъ.

— Стива, милый, не удирай отъ насъ, мы не будемъ тебя бить, — кричитъ Ирма.

— Мы будемъ защищать васъ, кричитъ Ася.

— Вы не будете меня ругать и бросаться снѣгомъ, тогда я васъ поведу дальше.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы общаемъ.

— Ну хорошо, ужъ такъ и быть. Идите сюда, теперь осталось немного, только этотъ подъемъ. Идите прямо на меня.

Когда они начинаютъ подниматься, онъ спускается внизъ и помогаетъ.

— Эхъ вы, лейтенантъ, — смѣется онъ, — тоже — морякъ! Хнычетъ, какъ пятилѣтняя дѣвчонка. Да и господинъ мичманъ хорошъ! А еще — моряки! Сапоги вы, старыя галоши, гдѣ вамъ быть моряками.

— Ну, вы — потише, — говоритъ лейтенантъ,

— А вы — побойчѣе, что вы плететесь, какъ старая кляча! Посмотрите на мою сестренку. Дези, давай руку!

Лѣсъ рѣдѣетъ. Деревья становятся мельче, а камни и выступы встрѣчаются чаще.

— Мы пришли, — говоритъ Стива, и останавливается.

Они стоятъ на площадкѣ наверху скалы, передъ ними залитое луннымъ свѣтомъ

серебристо-матовое снѣжное и чернѣющее островами озеро внизу, а подъ ногами чер-
ный и крутой обрывъ.

— Какъ хорошо, — говоритъ Ася, — Боже мой, какъ хорошо!

— Вонъ тамъ — Вендала, тамъ — пороги, вы слышите ихъ шумъ, — указываетъ
Стива. — Вонъ, тамъ видна вода въ лунныхъ лучахъ, вся въ трепещущей чешуѣ.

Нѣсколько минутъ всѣ молчатъ и только Дези прерываетъ: — Мы будемъ жечь
костры.

— Да, да.

Всѣ идутъ за хворостомъ и разводятъ костеръ.

— Пора домой! Мы спустимся тутъ.

— Стива, ты хочешь спускаться тутъ? Развѣ нельзя лѣвѣе, помнишь, мы лѣтомъ
ѣздили на лодкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, то было лѣтомъ, тамъ нельзя.

Онъ прыгаетъ на нижнюю площадку. Внизу, куда не достигаетъ лунный свѣтъ,
гдѣ растутъ ели и сосны и гдѣ видны черные камни, тамъ они будутъ спускаться. Онъ
прыгаетъ первымъ, хватается за маленькія деревья и скатывается внизъ и потомъ
всѣ остальные, когда онъ ужъ изслѣдуетъ дорогу, садятся на снѣгъ и скатываются.
Барышни боятся и визжатъ и ихъ приходится уговаривать, только Ася, храбрая Ася
не задумывается ни минуты и первая прыгаетъ съ уступа въ снѣгъ, но Стива не
поддерживаетъ ее и начинаетъ спускаться дальше. Иногда онъ зажигаетъ спички,
чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли внизу обрыва на слѣдующемъ уступѣ камней, и всѣ на-
клоняются и барышни увѣряютъ, что онѣ не могутъ прыгать, но тогда Стива беретъ
самую трусливую и тащитъ ее съ собой, она визжитъ. Такъ они спускаются внизъ.

— Вы знаете, гдѣ наши лыжи, да?

— Да, до нихъ еще одинъ километръ, не больше, а тамъ прямой дорогой домой
ходъ полчаса.

Когда всѣ находятъ свои лыжи и онъ снова выводитъ ихъ на озеро, Ирма кричитъ:

— Я знаю теперь дорогу, мы совсѣмъ близко.

— Теперь ему придется плохо, окружайте его.

Вокругъ Стивы поспѣшно образуютъ кругъ и всѣ начинаютъ бросать въ него
снѣжками.

— За что? — кричитъ Стива — оставьте меня!

Но его не слушаютъ, лейтенантъ, Ася подбѣгаютъ къ нему и осыпаютъ его снѣгомъ
и онъ не успѣваетъ отвѣчать на всѣ стороны. Донъ съ лаемъ хочетъ его защищать и
бросается на Асю и чуть-чуть не валитъ ее, но Стива останавливаетъ его.

— Назадъ, назадъ, — кричитъ онъ, — смирно — и Донъ возвращается къ Стивѣ
и Стива беретъ его за ошейникъ, чтобы онъ не бросился снова. Стива пробуетъ
пробиться черезъ цѣпь и убѣжать, но всюду его закидываютъ снѣгомъ и Ася впереди
всѣхъ, тогда онъ падаетъ на снѣгъ и закрываетъ голову свободной рукой.

— Довольно! — кричитъ Вѣра, — вы его вымочите совсѣмъ. Ася, оставь его!

Но кто-то еще разъ бросаетъ снѣжкомъ въ него.

— Это вѣрно она.

Вѣра подходитъ къ нему и нагибается. — Бѣдный, васъ совсѣмъ загнали.

Онъ поднимаетъ голову. — Нѣтъ, ничего, я сейчасъ пойду и догоню васъ, вы идите, васъ зовутъ тамъ.

Она повернула лыжи и постепенно сливалась съ тѣнью, бросаемой лѣсомъ на бѣломъ снѣгѣ.

Онъ остался одинъ, все такъ же лежа въ снѣгу, но ужъ не держа больше Дона и закрывъ руками лицо. Его привязанныя лыжи воткнулись концами глубоко въ снѣгъ и мѣшали его движеніямъ, но онъ не думалъ вставать. Онъ лежалъ и вздрагивалъ отъ рыданій, и Донъ, стоя надъ нимъ, лизалъ теплымъ языкомъ его мокрую шею, руки и уши.

Голоса уходившихъ становились все отдаленнѣе, они звали его и кричали: — Стива, идите сюда. — Потомъ кто-то сказалъ: — оставьте его капризничать, онъ придетъ.

Стива слышалъ эти слова, Ася говорила ихъ не громко, но въ тишинѣ вечера каждое слово разносилось отчетливо кругомъ.

Онъ весь былъ обсыпанъ снѣгомъ, сбитая шапка валялась рядомъ и его волосы были мокры и кожа горѣла отъ холода, снѣгъ забился за воротъ фуфайки и таялъ на тѣлѣ и текъ холодными струйками, а глазъ болѣлъ отъ заледенѣвшаго снѣжка.

— Она, о которой онъ думалъ всѣ дни, для которой онъ сочинялъ пѣсни, сидя вечеромъ за роялемъ, ласковый взглядъ которой заставлялъ его какъ-то странно дрожать и превращалъ скучную и низкую комнату въ благоухающій садъ, — она, въ чьемъ присутствіи онъ говорилъ деревяннымъ голосомъ, чтобы только не выдать ей своей любви, она хочетъ унижить его всегда, какъ только можетъ, зоветъ его молокосомъ, она говоритъ другимъ, что онъ рисуется, она забрасываетъ его снѣгомъ и не оставляетъ даже лежачаго и потомъ говоритъ: оставьте его капризничать. — Она разлюбила его, пусть такъ, — ея сердце свободно, — онъ не можетъ требовать отъ нея ничего, но зачѣмъ она не оставляетъ его въ покоѣ, почему она мучаетъ его, злитъ его и все для того, чтобы еще больше ему досадить и больше его унижить.

Онъ становится на колѣни и обнимаетъ Дона.

— Мой единственный вѣрный другъ, ты хотѣлъ меня защищать и повалить ту, которая нападала на меня. Я отозвалъ тебя и въ благодарность она снова начала нападать на меня и кидать снѣгъ и перестала послѣдней. Донъ, она разсердилась на меня, я повелъ ихъ по трудной дорогѣ и она выбилась изъ силъ, но я ей не подаль ни разу руки. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?

Совсѣмъ издали доносятся голоса. Онъ прислушивается, это зовутъ его. Онъ сидитъ еще нѣсколько времени, потомъ встаетъ и идетъ домой. Только теперь онъ начинаетъ чувствовать холодъ и сапоги промокли и ноги застыли безъ движенія, а рубашка прилипла къ тѣлу.

Онъ подходитъ къ дому и заглядываетъ въ окна. На кухнѣ стоятъ Ирма и Вѣра, но въ его комнатѣ темно. Онъ снимаетъ сапоги, входитъ въ сѣни и осторожно проходитъ мимо другихъ дверей къ своей комнатѣ. Онъ стучитъ — никто не отвѣчаетъ, — значитъ она пуста. Онъ скидываетъ фуфайку, ощупью беретъ свой новый,

лучшій костюмъ, потомъ рубашку и сапоги и бѣжитъ въ одной рубашкѣ безъ сапогъ въ сарай и тихо кличетъ Дона. Тамъ, рядомъ съ лошадьми, онъ надѣваетъ на морозѣ сухое бѣлье и его зубы стучать отъ холода.

Онъ заглядываетъ къ Михелю въ окно, потомъ толкаетъ дверь.

— Здравствуй, Михель, какъ сегодня холодно!

Стива садится на корточки передъ печкой и протягиваетъ руки къ огню.

— Михель, нѣтъ ли у тебя хлѣба и молока.

14.

Когда утромъ всѣ собрались къ кофе, Стивы не было и никто не зналъ, куда онъ ушелъ.

— Когда мы проснулись, его не было, — сказалъ мичманъ, — а вчера, когда мы ложились, онъ еще не возвращался. Можетъ быть, онъ совсѣмъ не ложился. . .

— Какой онъ странный, — сказала Вѣра, — вѣчно любитъ напускать на себя таинственность.

— Мы пойдемъ куда-нибудь? — спросилъ лейтенантъ.

— Давайте лучше кататься съ горы, — предложила Ирма, — тутъ къ озеру очень хорошая гора.

— Да, да.

Черезъ четверть часа всѣ собрались на склонѣ и цѣпью со смѣхомъ и визгомъ съѣхали внизъ.

— А вонъ Стива, — сказалъ Андикъ, указывая налѣво.

Стива возвращался по озеру безъ лыжъ и шелъ къ заросли молодыхъ елокъ и кустовъ сирени, которые служили заборомъ сада. Онъ бродилъ уже долго и усталъ. Онъ сѣлъ на камень, снялъ шапку и стряхнулъ нависшіе на лобъ волосы. Передъ нимъ на соснѣ вертѣлась бѣлка и онъ провожалъ глазами всѣ ея движенія и насвистывалъ пѣсенку, которую часто пѣлъ Михель. Онъ ни о чемъ не думалъ, въ его головѣ отъ физической усталости царилъ пріятный беспорядокъ мыслей и тѣло ощущало блаженство въ отдыхѣ на жесткомъ камнѣ.

По утопанной дорожкѣ изъ-за деревьевъ слышалось хрустѣнье снѣга подъ чьи-то шагами. Вѣрно работники шли на озеро, чтобы рубить кабаны для ледника. Донъ, лежавшій смирно у ногъ Стивы, насторожилъ уши и наклонилъ голову набокъ, какъ онъ дѣлалъ всегда, когда слушалъ внимательно. Стива посмотрѣлъ по направленію, откуда доносились шаги. Между деревьями мелькнула шапка бѣлая съ лиловымъ. Онъ зналъ эту шапку. Онъ отвернулся и снова сталъ глядѣть на бѣлку, спустившуюся на самый нижній сучекъ.

Шаги и шуршаніе платья приближались, вотъ она вышла изъ-за аллеи и теперь видитъ его, вотъ она поровнялась съ нимъ. Она остановится? — Нѣтъ она прошла дальше, своротивъ на береговую дорожку, не замедливъ и не ускоривъ шага. Она не замѣтила его? — Но вѣдь онъ сидѣлъ такъ близко къ дорожкѣ, развѣ можно было не замѣтить его?

Онъ обернулся. Донъ шелъ за нею, весело махая хвостомъ и тыкая морду въ ея руку, и она смотрѣла на Дона и гладила его и играла съ нимъ.

Стива хотѣлъ крикнуть: Донъ, сюда! — но не крикнулъ. Она исчезла за деревьями и тамъ сквозь сучья и хвою мелькали лиловая шапка и бѣлая рубашка.

Стива посидѣлъ еще немного и тихо посвистѣлъ собаку. Донъ вернулся и подошелъ къ Стивѣ, тотъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Зачѣмъ ты шляешься за чужими, развѣ у тебя нѣтъ хозяина? Смотри, я тебя! Иди сзади.

Онъ всталъ, и Донъ поплелся за нимъ слѣдомъ по той дорожкѣ, по которой только-что прошла она. Они прошли мимо загородей елокъ и дошли до поворота на рябиновую аллею. Онъ постоялъ въ раздумьи куда ему итти, куда пошла она? Онъ свернулъ въ аллею и началъ подниматься вверхъ. Навстрѣчу снова слышались шаги.

— Это — она? Зачѣмъ она ходитъ по тѣмъ дорожкамъ, по которымъ ходитъ онъ? Развѣ мало въ саду дорожекъ, что они должны все время встрѣчаться и не могутъ разойтись? Теперь она подумаетъ, что онъ хочетъ ее встрѣтить и нарочно слѣдитъ за нею и выбираетъ дорожки, по которымъ ходитъ она. Ему нужно уйти, поворотить назадъ или прыгнуть въ снѣгъ и скрыться въ кустахъ.

Но онъ не прыгнулъ и не поворотилъ, а остался стоять на одномъ мѣстѣ и только взялъ Дона за ошейникъ.

Она подошла къ нему, онъ немного посторонился, чтобы дать дорогу ей, снялъ шапку и поклонился.

— Здравствуйте, — сказала она, подала руку, какъ бы не замѣчая, что онъ остается на мѣстѣ, не подходитъ къ ней ближе и не хочетъ здороваться съ нею. Она сама подошла къ нему и онъ пожалъ протянутую руку.

— Спасибо, что вы привезли мои перчатки; я васъ еще не поблагодарила.

Онъ поклонился.

— Вы далеко ѣздили? — Нѣтъ, не очень.

Молчаніе.

— Сегодня солнце опять, какъ нарочно, для праздника.

— Да, — кивнулъ онъ.

— Вы такъ рано встали сегодня, васъ никто не видалъ утромъ.

— Да, мнѣ не спалось, я пошелъ побродить.

— А мы катаемся тамъ на лыжахъ, — она указала рукой.

Молчаніе. На дворѣ зазвонилъ колоколъ.

— Мнѣ надо итти, — сказалъ онъ, — надо сказать работникамъ о рубкѣ лѣса, — при бавилъ онъ.

— О рубкѣ? Развѣ вы занимаетесь хозяйствомъ?

— Да, иногда.

— Ну, прощайте, за обѣдомъ еще увидимся.

Онъ приподнял шапку и повернулся. Когда онъ дошелъ почти до конца аллеи, онъ услышалъ быстрые шаги.

— Стива, — крикнула она.

Онъ обернулся, — она быстро шла къ нему, почти бѣжала.

— Стива, — сказала она, — мнѣ такъ много нужно сказать вамъ.

Она подошла къ нему совсѣмъ близко и робко и умоляюще смотрѣла ему въ глаза и тонъ голоса былъ просящій.

— Я вчера обидѣла васъ. Я оскорбляла васъ все время. Я знаю, какъ я сдѣлала вамъ больно. Мнѣ хочется просить у васъ прощенія, но я не знаю, могу ли я, можетъ быть вы не можете меня простить? Мнѣ такъ нужно сказать, что я раскаиваюсь въ этомъ, что мнѣ стыдно передъ вами, что я была бы рада, если бы всего этого не было.

Она подошла еще ближе и положила руки ему на плечи и умоляюще смотрѣла на него.

— Вы, можетъ быть, мнѣ еще вѣрите? Вы можете меня простить? Стива, пожалуйста. . .

Онъ не зналъ, что съ собой дѣлать. Ему казалось, что никогда еще такъ не билось его сердце и щеки не горѣли, какъ сейчасъ.

— Да, да. . . Зачѣмъ вы это говорите, — началъ онъ путаясь и беря ея руки и цѣлуя. — Развѣ я могу на васъ сердиться? Я самъ виноватъ, зачѣмъ вы просите прощенье, — это долженъ я.

Она смутилась. — Милый мальчикъ, вы не сердитесь? Спасибо вамъ.

Боже мой, какъ она хороша, какъ она робка и стыдлива и какъ покраснѣла она и какъ нѣженъ ея голосъ. Капризная, самоувѣренная Ася, теперь нѣжна и женственна, какъ маленькій ребенокъ.

Онъ ничего не говорилъ и только цѣловалъ ея руки.

— Ася, Стива! — слышалось снизу. Онъ обернулся.

— Обѣдать, — кричала Ирма, — обѣдать! — и бѣжала къ нимъ.

Ахъ, зачѣмъ имъ помѣшали!

.....